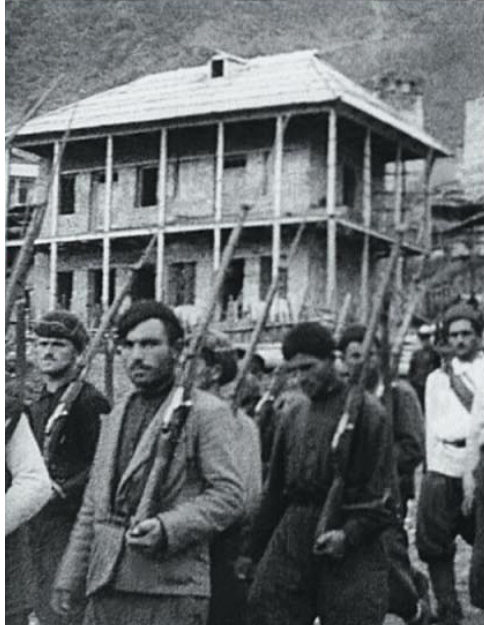

ФЕДОР СИНИЦЫН

СОВЕТСКАЯ НАЦИЯ И ВОЙНА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ВОПРОС **1933**
В СССР **1945**

Федор Сеницин

**Советская нация и война.
Национальный вопрос
в СССР. 1933—1945**

«Центрполиграф»

2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622

Синицин Ф. Л.

Советская нация и война. Национальный вопрос в СССР. 1933—1945 / Ф. Л. Синицин — «Центрполиграф», 2018

ISBN 978-5-227-07607-6

В 1930-х гг. в Советском Союзе был развернут процесс создания политической нации на базисе русского народа, его истории, языка, культуры и идеологии «советского патриотизма». Сплочение народов СССР было обусловлено объективной реальностью – провалом концепции «мировой революции», а также опасностью новой большой войны, ставшей очевидной после прихода А. Гитлера к власти в Германии в 1933 г. Учитывая эти факторы, И.В. Сталин вынужден был взять курс на построение Советского Союза как государства в традиционном смысле этого слова. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. стала не только одним из самых трагических периодов нашей истории, но также и испытанием на прочность новой советской политики, основанной на национально-патриотических ценностях. На широком документальном материале показаны все основные аспекты национальной политики Советского государства 1930—1940-х гг.: формирование концепции «советского патриотизма» и советской политической нации в предвоенный период, реализация советской политики в лимитрофной зоне в межвоенный период, национальный вопрос в период Великой Отечественной войны, борьба с антисоветским бандповстанчеством, внешнеполитический аспект национальной политики (славянский и еврейский факторы, отношение к немцам и японцам), национальный фактор в иностранной агрессии против СССР, отрицательные аспекты советской национальной политики (депортации народов) и, наконец, итоги реализации советской политики в предвоенный и военный периоды нашей истории.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-227-07607-6

© Синицин Ф. Л., 2018

© Центрполиграф, 2018

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	9
Новая национальная политика	9
«Верующих у нас еще много миллионов»: колебания советской религиозной политики	29
«Польские фашисты угнетают украинцев, белорусов»: присоединение Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики и Бессарабии	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Федор Синицын

Советская нация и война. Национальный вопрос в СССР. 1933—1945

Художественное оформление Я.А. Галеевой

СОВЕТСКАЯ
НАЦИЯ
И ВОЙНА
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ВОПРОС В СССР
1933—1945

Предисловие

Книга, которую вы держите в руках, посвящена очень важному этапу в истории нашей страны. В предвоенный период в Советском Союзе началось формирование идеологии «советского патриотизма» и создание единой политической нации. Необходимость интеграции всех этносов Советского Союза была обусловлена, во-первых, тем, что многие проблемы в многонациональной стране могут быть решены, если в ней сложится единая политическая нация. Во-вторых, сплочение народов СССР диктовалось самой реальностью – после провала «мировой революции» И.В. Сталин взял курс на построение Советского Союза как государства в традиционном смысле этого слова. Важным фактором была также опасность новой войны, которая назревала с 1920-х гг. и становилась все более явной после прихода А. Гитлера к власти в Германии в 1933 г.

Процесс осознания советским руководством необходимости возврата к национально-патриотической идеологии был долгим. Революция 1917 г. привела к распаду России. В 1920-х гг. подавляющая часть бывшей Российской империи была вновь собрана в новом формате – СССР, однако советская политика тех лет базировалась на отрицании патриотизма, отбрасывании достижений дореволюционной истории, объявлении России «тюрьмой народов», а русского народа – «угнетателем». Только в начале 1930-х гг. советское руководство начало постепенный пересмотр политики. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. стала не только одним из самых трагических и одновременно героических периодов нашей истории, но также и испытанием на прочность новой советской политики, основанной на национально-патриотических ценностях.

Актуальность исследования национальных проблем в нашей стране трудно переоценить. Во-первых, одной из главных причин распада Советского Союза было деструктивное воздействие национального фактора, в том числе столкновений на межэтнической почве в Азербайджане, Грузии, Казахстане, Киргизии, Молдове, Узбекистане, на Северном Кавказе. Этнополитические проблемы продолжают существовать и на постсоветском пространстве.

Во-вторых, политические деятели России и сопредельных стран в своих доктринах активно обращаются к событиям 1933–1945 гг., некоторые ученые и публицисты разрабатывают концепцию «советской оккупации»¹, сравнивают политику Советского Союза и Германии как «двух тоталитарных диктатур»², реабилитируют и героизируют коллаборационистов, бандповстанцев и антисоветских деятелей.

В-третьих, в последние годы в мире развернулась информационная война³, которая не только стала неотъемлемой частью военных операций, но и широко используется в качестве инструмента международной политики в мирное время⁴. В связи с обострением положения на международной арене Россия столкнулась с беспрецедентной информационной атакой⁵, отдельные аспекты которой исходят непосредственно из установок нацистской пропаганды, реализованной в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Особую роль в информационной атаке, направленной против интересов России, играет воздействие на национальный фактор.

В-четвертых, особую актуальность в последнее время приобретает вопрос о формировании в России новой доктрины национальной политики⁶. В этом процессе необходимо учитывать опыт СССР по разработке идеологии «советского патриотизма» и сплочению советской нации, который ярко проявился в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны.

В то же время этот бесценный опыт до сих пор недостаточно изучен. До середины 1950-х гг. труды отечественных историков базировались на указаниях о безоговорочном торжестве советской национальной политики⁷. В период с середины 1950-х гг. до конца 1980-х гг. в работах исследователей была приоткрыта завеса над такими явлениями, как коллаборационизм граждан СССР и деятельность антисоветского бандповстанческого движения на территории Советского Союза, освобожденной от германской оккупации⁸. На рубеже 1980-х и 1990-х гг. отечественная наука была освобождена от идеологического диктата, после чего в работах историков были рассмотрены отдельные вопросы, касающиеся проблем национальной политики СССР⁹. Зарубежная историография 1940—1980-х годов была во многом «идеологизирована» в антисоветском ключе¹⁰. В последние десятилетия зарубежные исследователи опубликовали новые труды, касающиеся национальной политики СССР в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны¹¹. Тем не менее большинство вопросов, связанных с этой темой, в исторической науке до сих пор рассмотрены фрагментарно. Дать обоснованную оценку событиям тех лет – одна из насущных проблем, стоящих перед российскими историками.

В условиях особой значимости национального фактора в жизни нашей страны невозможно охватить все подробности национальной политики в рамках одного исследования. Тем не менее в данной книге освещены все ее основные аспекты: формирование концепции «советского патриотизма» и советской политической нации в предвоенный период, реализация политики в лимитрофной зоне, национальный вопрос в период Великой Отечественной войны, борьба с антисоветским бандповстанчеством, национальный фактор в иностранной агрессии против СССР и советский ответ на него, отрицательные аспекты советской политики (депортации народов как конфликтная ситуация между властью и этносами) и, наконец, итоги реализации национальной политики в предвоенный и военный периоды нашей истории.

Глава 1

Советское великодержавие: подготовка к войне

Новая национальная политика

После Октябрьской революции национальная политика в Советской России была сведена к определенному образу понимаемому интернационализму. Все нации и расы в новой стране получили равные права¹², что, несомненно, было прогрессивным шагом. В то же время «леваки» в составе большевистского руководства рассматривали Советское государство как плацдарм для экспорта «мировой революции» в глобальном масштабе. Образование СССР в 1922 г. официально было провозглашено «решительным шагом по пути к объединению трудящихся всех стран в мировую Социалистическую Советскую Республику»¹³.

Под влиянием академика М.Н. Покровского и его соратников, занявших русофобские позиции, были отвергнуты даже положительные достижения дореволюционной России, которая получила клеймо «тюрьмы народов», а русский народ – статус «колонизатора» и «поработителя». В системе народного образования расцвел «исторический нигилизм» – в том числе было фактически ликвидировано историческое образование в вузах, упразднено преподавание истории как учебного предмета в средней школе.

В СССР развернулась кампания по «коренизации», которая заключалась не только в выдвигании национальных (нерусских) кадров, но и в минимизации использования русского языка. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. была осуществлена латинизация письменности большинства народов Советского Союза, после чего планировалась латинизация и русской письменности. В пик русского языка как языка межнационального общения в СССР развивалось изучение эсперанто как будущего языка «Всемирной советской республики».

Однако постепенно политика «мировой революции» утратила приоритет в планах советского руководства. Неудача коммунистических революций в других странах мира (просоветские режимы удалось установить только в Монголии и Туве, которые на мировой арене играли очень малую роль) привел к более трезвой оценке перспектив развития социалистической системы в СССР. В 1924–1925 гг. руководство страны сформулировало политику построения социализма «в одной, отдельно взятой стране». Таким образом, политические «аппетиты» новой власти, установившейся в России, сузились до ее национальных границ.

«Национализацию» советской политики отметил русский правовед и политический деятель Н.В. Устрялов, живший в те годы в эмиграции. Он симпатизировал революции и большевикам, утверждая, что «Октябрь был великим выступлением русского народа, актом его самосознания и самоопределения», подтверждением чего стал тот факт, что «дальше России революция не пошла». Н.В. Устрялов писал, что в процессе строительства советского общества не только нация начала «советизироваться», но и «“советы” стали национализироваться», дав старт формированию «советской государственной нации». Он подчеркивал, что «исторически и политически “советизм” есть русская форма, образ “российской” нации»¹⁴. Н.В. Устрялов назвал новую политику советской власти «национал-большевизмом». Однако это были только предпосылки к формированию новой национальной политики, а реальные перемены обозначились в первой половине 1930-х гг.

Решения XVII съезда ВКП(б), состоявшегося в январе-феврале 1934 г., окончательно обозначили «мировую революцию» лишь как один из вспомогательных инструментов внешней политики СССР по обеспечению своих собственных интересов. Руководство Совет-

ского Союза взяло курс на осторожное возвращение к патриотическим ценностям. Понятие «Родина» (часто с приставкой «советская») теперь получило новое, большее значение в государственном лексиконе¹⁵.

Конституция СССР 1936 г. не предусматривала первенство какой-либо нации. Статья 13 Конституции гласила, что «Союз

Советских Социалистических Республик есть союзное государство, образованное на основе добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик». Статья 123 предусматривала «равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни». Было запрещено «ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности или ненависти и пренебрежения».

Тем не менее в условиях отказа от «мировой революции» и развития СССР как государства в традиционном понимании этого термина, а не как «стартовой площадки для мирового пожара» власть в качестве национального базиса для такого государства решила вернуть русскому народу государствообразующую роль. Еще в мае 1933 г. И.В. Сталин заявил: «Русские первыми подняли знамя Советов вопреки всему остальному миру. Русский народ – самый талантливый в мире народ»¹⁶. С 1936 г. русскому народу был возвращен статус «великой и передовой нации», присвоены самые лучшие эпитеты – «бессмертный... народ»¹⁷, «самый храбрый солдат в мире»¹⁸, подчеркивались «сила духа русского народа, его мужество и упорство»¹⁹, восхвалялись описанные поэтом Н.А. Некрасовым «богатырский» характер русского крестьянина и «бессмертный образ русской женщины»²⁰. В стихотворении В. Гусева «Я – русский человек», опубликованном в «Правде», говорилось: «Я – русский человек, сын своего народа, / Я с гордостью гляжу на родину свою»²¹.

Особое место в пропаганде занял тот факт, что В.И. Ленин и И.В. Сталин были «порождены» русским рабочим классом, что именно русский народ «взрастил боевую партию большевиков» и «показал всем другим народам путь к освобождению от капиталистической эксплуатации»²², а В.И. Ленин и И.В. Сталин «воспитывали в народах всего Советского Союза героические черты и лучшие революционные традиции русского народа»²³. Ленинизм был назван «высшим достижением русской культуры»²⁴.

К 1938 г. русский народ официально получил руководящую роль в Советском государстве. В феврале 1938 г. «Правда» писала: «В... братской семье народов русский народ – старший среди равных»²⁵. В подписанных в печать в апреле 1938 г. томах Большой и Малой советских энциклопедий говорилось, что «великий русский народ как первый среди равных... ведет народы СССР к полной победе коммунизма»²⁶. В том же году была опубликована книга Б. Волина «Великий русский народ», в которой автор утверждал, что «народы СССР гордятся своим старшим собратом, первым среди равных в братской семье народов – русским народом»²⁷, «растут и крепнут дружба и любовь всех народов... к ведущему среди передовых – русскому народу»²⁸.

В СССР были исправлены некоторые перегибы прошлого, связанные с избыточной «коренизацией» и умалением русского национального фактора. Так, в феврале 1938 г. началось издание русскоязычных комсомольских газет в ряде союзных и автономных республик. Власти отмечали, в частности, что в Татарской АССР «комсомольцы-татары составляли всего 45 %», а комсомольская газета ранее выходила только на татарском языке²⁹.

Признание «первенства» и «величия» русского народа зазвучали из уст официальных представителей разных регионов СССР. В июне 1938 г. Н.С. Хрущев на XIV съезде КП(б)У заявил, что «сила украинского народа – в тесном единении со всеми народами Советского Союза, и в первую очередь с великим русским народом». В декабре 1938 г. «Правда» писала, что «белорусский народ достиг расцвета благодаря помощи великого русского народа и руководству героической партии Ленина – Сталина». Народная артистка Азербайджанской ССР Ш. Мамедова в статье «Чем мы обязаны русскому искусству» отмечала, что «успехи азербайджанского искусства и развитие всей нашей национальной культуры исторически связаны с благотворным влиянием культуры великого русского народа», «мы с величайшим уважением, с чувством гордости относимся ко всему, что связано с великой культурой русского народа, с его искусством, с его сценой, которая, как любящая мать, выращивала и воспитывала нас»³⁰.

На XVIII съезде ВКП(б) руководитель Узбекистана У.Ю. Юсупов в своем выступлении 11 марта 1939 г. отметил, что «узбекский народ, опираясь на помощь великого русского народа... может показать на своем примере всем угнетенным народам Востока, что если хочешь освободиться, – иди за Красной Москвой, иди за великим Сталиным, иди за русским народом, и тогда будет обеспечен успех»³¹. Еще ранее депутат Верховного Совета М. Абдурахманова на страницах «Правды» сообщила о том, что «кадры узбекского рабочего класса... созданы с помощью русских рабочих, передававших... свои знания, свой опыт, свою культуру»³². В 1939 г. было объявлено, что «бурят-монгольский народ не мыслит свой дальнейший культурный рост в отрыве от великой русской культуры, самой передовой социалистической культуры»³³. Калмыцкий обком ВКП(б) 1 ноября 1940 г. утвердил текст «письма калмыцкого народа своему старшему брату – Великому русскому народу»³⁴. Впоследствии, во время Великой Отечественной войны, опубликование подобных писем станет распространенной практикой.

В систему государственных ценностей СССР были введены героические страницы истории России и русского народа. Известный полярник И.Д. Папанин писал в «Правде»: «На протяжении всей своей тысячелетней истории наш народ неоднократно являл всему миру образцы стойкости, мужества, железного упорства. Когда на полях сражений решалась участь родины, когда история ставила вопрос – быть или не быть России самостоятельной страной, русский народ поднимался во весь свой могучий рост и давал жестокий урок всяческим иноземным захватчикам, пытавшимся поставить на колени наше отечество»³⁵. Положительно была оценена деятельность таких исторических деятелей, как Александр Невский, Козьма Минин, Дмитрий Пожарский, Петр I, а также роль некоторых исторических событий дореволюционного прошлого – в частности, Отечественной войны 1812 г. Так, красноармейцам стали читать лекции на тему «Разгром русским народом армии Наполеона в 1812 году и полководческое искусство Кутузова»³⁶. В июле 1937 г. на экраны вышел кинофильм «Петр Первый». В мае 1938 г. широко отмечалось 750-летие «Слова о полку Игореве»³⁷, а в Академии наук СССР академик Б.Д. Греков сделал доклад об этом произведении древнерусской литературы³⁸.

2 апреля 1939 г. состоялась советская премьера оперы «Иван Сусанин» в Большом театре (в новом варианте народный герой спасал не царя, а Москву). Пропаганда готовилась к этому событию загодя. Еще в октябре 1938 г. критик Г. Хубов писал в «Правде», что композитор М.И. Глинка «сумел воплотить в своей опере могучий дух русского народного музыкального творчества, правдиво показать глубину и силу чувств и мыслей народа, его мужественный и простой в своем величии героизм». Критик с сарказмом подчеркивал, что автором дореволюционного либретто оперы был «бесталаный» немец – барон Е.Ф. Розен, который «с невозможной наглостью возражал русскому композитору: “Ви не понимает, это сама лутший поэзия”». Был сделан вывод, что «пришло время... радикально обновить обветшалый, бесталаный розе-

новский текст либретто, раскрыть подлинный авторский замысел»³⁹. Финальный эпизод оперы (яркая толпа приветствует вступающих на Красную площадь победителей ликующим хором «Слава, слава!») был описан как «чудесное, незабываемое мгновение» – «момент, когда зрители и артисты сливаются воедино, и кажется – одно огромное сердце бьется в зале», «народ приветствует свое героическое прошлое, своих витязей, своих бесстрашных богатырей»⁴⁰. Е.С. Булгакова (жена знаменитого писателя) в своем дневнике оставила запись о том, что перед эпизодом оперы правительство перешло из обычной ложи в среднюю большую (бывшую царскую) и уже оттуда досматривало представление. Публика, как только это увидела, начала аплодировать. К концу представления, к моменту появления на сцене Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского, аплодисменты превратились в грандиозные овации⁴¹. Это говорит о том, что возрождение российского «великодержавия» было встречено советскими людьми с пониманием. На Западе возврат к традициям великодержавия был оценен современниками даже как то, что «Сталин занял место Романовых»⁴².

Особое внимание властей, в преддверии грядущей мировой войны (в 1930-х гг. мало кто сомневался в том, что она вскоре начнется), было посвящено возрождению почитания военного прошлого русского народа. В августе 1938 г. в Эрмитаже была организована выставка «Военное прошлое русского народа – в памятниках искусства и предметах вооружения»⁴³. В Красной армии в рамках политической подготовки солдат и командиров проводились лекции на тему «Борьба русского народа за свою независимость»⁴⁴. Писатель П. Павленко писал в «Правде», что Куликовская битва – «более великая, чем поражение гуннов Аттилы на Каталунских полях»⁴⁵ (действительно, в истории России она была столь же велика, как и битва с Аттилой для Западной Европы). Художественным образом он описывал свои мысли о Куликовской битве: «Ту ночь хочу и буду воображать. Она – во мне. Не сохранив ничего о своих дальних предках, знаю, однако, что они были на этом кровавом поле, не могли здесь не быть, и поле это мое, и курган на костях – мой, и памятник над ним – моим предкам, и та слава, что никогда не пройдет, – есть и мое личное прошлое, потому что я русский... Я горд, что они – прадеды – победили и что я ответственен за землю, на которой я не просто житель, но теперь и хозяин. И весь я полон этим прошлым, как тем, что составляет меня». Рядом со статьей П. Павленко было помещено фото советских бойцов, участвовавших в сражении у озера Хасан⁴⁶, как свидетельство преемственности русских дружин и Красной армии.

В сентябре 1937 г. был открыт Бородинский исторический музей (в честь 125-летия войны с Наполеоном). В рецензии на книгу Е.В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год» известный пропагандист Н. Кружков отмечал: «Пример Наполеона и других завоевателей, неоднократно пытавшихся поживиться нашим добром, наглядно показывает силу и мощь русского народа»⁴⁷. В ноябре 1938 г. на экранах появился исторический художественный фильм «Александр Невский»⁴⁸. 8—12 июля 1939 г. в Полтаве была проведена сессия Института истории АН УССР, посвященная 230-летию разгрома шведских интервентов под Полтавой⁴⁹. Премником «славных дел и боевых традиций русского флота» был назван Красный Военно-Морской флот⁵⁰.

Выдающиеся успехи русского народа были отмечены в науке – в лице таких ученых, как Н.И. Лобачевский, Д.И. Менделеев, П.Н. Лебедев, В.О. Ковалевский⁵¹, И.М. Сеченов⁵². Были прославлены русская культура и искусство, с признанием, что русский народ вправе гордиться своими писателями и поэтами (Пушкин, Гоголь, Толстой, Белинский, Добролюбов, Чернышевский)⁵³, передовая русская литература «оказала огромное влияние на литературы других народов» и предвещала приход Октябрьской революции⁵⁴. В 1937 г. было проведено празд-

нование столетия памяти А.С. Пушкина, осенью 1939 г. – 125-летия со дня рождения М.Ю. Лермонтова. А.М. Горький также удостоился звания «великий сын русского народа»⁵⁵.

Академик Е.В. Тарле в июле 1938 г. писал, что в XIX в. русский народ занял «одно из первых мест... и в области живописи (Суриков, Репин, Верещагин, Серов), и в музыке (Глинка, Мусоргский, Римский-Корсаков, Даргомыжский, Рахманинов и Чайковский)»⁵⁶. В статье «Музыка великого народа» критик В. Городинский отмечал: «Усиление и расширение пропаганды русской музыкальной классики в полной мере отвечает возрастающим художественным требованиям широких народных масс... Народ, построивший могущественное государство, народ, создавший один из самых богатых языков мира, народ, породивший Ломоносова и Пушкина, не мог не обладать замечательной музыкальной культурой... Музыка великого русского народа близка всем народам Советского Союза. В ее богатырском звучании, в ее неисчерпаемой художественной сокровищнице таятся безмерные силы». В «Правде» было опубликовано письмо инженера В. Кричевского, который возмущался, что «в Одессе забыта русская классическая опера». В феврале 1939 г. в Третьяковской галерее была проведена выставка лучших полотен русских художников XVIII–XX вв. Архитектор М.Ф. Казаков получил титул «великий, гениальный русский зодчий», который «в совершенстве владел передовой строительной техникой своего времени и превосходил широтой и зрелостью своего творчества самых прославленных европейских мастеров»⁵⁷. В целом достижения русского народа были признаны общим достоянием всех народов СССР⁵⁸.

Хотя в Конституции СССР отсутствовало положение о государственном языке, такой статус теперь был де-факто закреплен за русским языком, которому предназначалась особая роль. Русский язык – «язык Ленина и Сталина» – получил статус «первого среди равных»⁵⁹ в СССР, а в мире – статус «международного языка социалистической культуры» («как латынь была международным языком верхов раннего средневекового общества, как французский язык был международным языком XVIII и XIX веков»). Русский язык должен был «стать достоянием каждого советского гражданина», тем более что отмечалась «сильная тяга к русскому языку в народных массах союзных и автономных республик», которые «хотят знать... русский язык как язык великого народа» и пользуются им «как общим советским достоянием»⁶⁰. Власти приказали отвести русскому языку «подобающее место в системе народного образования»⁶¹. Повысилась официальная роль русского языка на местном уровне – так, в июле 1938 г. он был признан государственным языком Белорусской ССР (наряду с белорусским языком)⁶².

Предпосылками к повышению статуса русского языка были как перемены в политике, так и введение в Конституции 1936 г. всеобщей воинской обязанности, что предполагало знание русского языка всеми призывниками, чтобы воины Красной армии могли понимать команды и общаться с командирами и между собой. В марте 1938 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей»⁶³. Однако преподавание русского языка в национальных школах часто находилось на недостаточном уровне, что было последствием слабой подготовки и плохой работы учителей русского языка, а также малого количества часов, отведенных на его преподавание. В сентябре 1939 г. был принят закон «О всеобщей воинской обязанности». При этом было выявлено, что многие призывники вообще не знают русский язык. 6 июля 1940 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «Об обучении русскому языку призывников, подлежащих призыву в Красную армию и не знающих русского языка». Местные власти поставили задачу к 1941 г. «добиться полной ликвидации неграмотности и обучения русскому языку среди призывников»⁶⁴. Однако к началу Великой Отечественной войны эта цель достигнута не была.

Укреплению статуса русского языка служил перевод письменностей многих народов СССР на кириллицу, который начался в 1936 г. и завершился к 1941 г. Смена алфавита обосновывалась таким образом – например, для крымских татар, которые до 1929 г. пользовались арабской графикой, а затем латиницей: «В настоящее время... крымские татары прочно укрепили братский союз с русским народом, и... знание русского языка все больше и больше распространяется среди них». Перевод письменности на кириллицу был обозначен не как «простой технический вопрос, а вопрос глубоко политический»⁶⁵.

На кириллический алфавит были переведены письменности почти всех народов РСФСР, а также титульных народов Азербайджанской, Узбекской, Таджикской, Туркменской, Киргизской, Казахской ССР и Молдавской АССР. Введенные ранее латинизированные алфавиты подверглись критике как «путаные, усложненные», «малопонятные широким массам трудящихся», «не соответствующие задачам социалистического строительства». Действительно, введение кириллицы для национальных языков было обосновано практическими соображениями – кириллица имеет больше букв по сравнению с латиницей, исключалась путаница с написанием и чтением букв на русском и родном языке, облегчалось изучение русского языка. Однако приводились для введения кириллицы и мифические обоснования – например, что «бурят-монгольский язык имеет много общих черт с русским»⁶⁶ (на самом деле они принадлежат к разным языковым семьям). Принятие алфавита на основе кириллицы было оценено властями как «величайшее событие»⁶⁷.

По завершении кириллизации алфавитов замдиректора Института языка и письменности народов СССР Академии наук СССР В. Петросян, который был ответствен за этот процесс, в своем письме А.А. Жданову от 25 февраля 1941 г. выдвинул предложение об окончательной унификации национальных алфавитов, включении в них всех без исключения русских букв (например, «ш», «щ», «ъ», «ь» и др.) для того, чтобы правильно передавать русские слова, имена и названия. Конечной целью унификации было как можно теснее «сблизить алфавиты народов СССР с русским алфавитом»⁶⁸.

Советское руководство предприняло шаги по борьбе с русофобией. Еще в декабре 1930 г. Секретариат ЦК ВКП(б) подверг критике поэта Д. Бедного за антирусские настроения, выраженные в его фельетонах «Слезай с печки», «Без пощады» и др. 14 ноября 1936 г. русофобские произведения поэта были заклеены в постановлении политбюро ЦК ВКП(б) «О пьесе “Богатыри” Демьяна Бедного». Эта пьеса подверглась уничтожающей критике за «пошло-издательски изображенное крещение Руси будто бы “по пьяному делу”» и «густо размалеванную характеристику русских богатырей»⁶⁹, которая «огульно чернит богатырей русского былинного эпоса, в то время как главнейшие из богатырей являются в народном представлении носителями героических черт русского народа». Пьеса была снята с репертуара как «чуждая советскому искусству»⁷⁰.

8 декабря 1936 г. Д. Бедный написал жалобу И.В. Сталину, но в ответ получил жесткую отповедь: «Революционные рабочие всех стран единодушно рукоплещут советскому рабочему классу и, прежде всего, русскому рабочему классу, авангарду советских рабочих... Все это вселяет (не может не вселять!) в сердца русских рабочих чувство революционной национальной гордости, способное двигать горами, способное творить чудеса. А Вы... стали возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения, что лень и стремление “сидеть на печке” является чуть ли не национальной чертой русских вообще, а значит и – русских рабочих, которые, проделав Октябрьскую революцию, конечно, не перестали быть русскими»⁷¹.

Тема русофобии проявила себя в рамках кампании массовых репрессий 1937–1938 гг. – в вину репрессированным «изменникам родины», «буржуазным националистам» и «троцкистам» было поставлено то, что они «пытались противопоставить русский народ другим наро-

дам СССР и насаждали отрицательное отношение к русской культуре». В частности, в русофобии обвинялся Н.И. Бухарин, который называл русских «нацией Обломовых»⁷², а также глава Российской ассоциации пролетарских писателей Л.Л. Авербах и его «последыши» из Российской ассоциации пролетарских музыкантов, которые насаждали «теорию изолированности музыкального искусства отдельных народов СССР от русской музыки», провозглашали русскую музыку «чуждой и непонятной для других народов Советского Союза», «объявляли Бородина и Глинку... великодержавными шовинистами»⁷³.

Особое внимание властей было уделено обвинению «буржуазно-националистических агентов фашизма» в противодействии изучению русского языка в национальных республиках⁷⁴, «вытравлению русского языка» в национальных регионах – например, с целью «оторвать украинский народ от братского русского народа»⁷⁵. В Башкирии «враги народа» обвинялись в том, что «проводили политику изоляции башкирской молодежи от русской культуры, воздвигали тысячи препятствий на пути преподавания русского языка и русской литературы в башкирских и татарских школах»⁷⁶. В Карелии «буржуазные националисты, засевшие в школах... вели ожесточенную борьбу против изучения русского языка»⁷⁷, в Крыму – «всячески препятствовали школьникам-татарам изучать русский язык», вплоть до того, что «в татарской школе Наркомпрос приравнивал изучение русского языка... к иностранному. Так, в старших классах татарской школы Крымской АССР русскому языку отводилось часов не больше, чем немецкому», а «в десятых классах... немецкий язык даже главенствовал» (русский – 68 часов, немецкий – 102 часа). Автор статьи в «Правде» язвительно замечал, намекая, очевидно, на нацистскую Германию: «Нетрудно догадаться, в чьих интересах Наркомпрос Крымской АССР ведет линию на срыв изучения русского языка татарскими детьми и молодежью»⁷⁸. Обязательность «штудирования немецкого языка» в ущерб русскому языку была признана преступной⁷⁹.

Взяв на вооружение национально ориентированную идеологию, Советское государство не могло обойти своим вниманием историческую науку и историю как образовательную дисциплину. В 1934 г. отечественная история была восстановлена в правах учебной и воспитательной дисциплины, были восстановлены ранее ликвидированные исторические факультеты в вузах. В 1936 г. был создан Институт истории АН СССР. В постановлении ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)”» была закреплена линия на дискредитацию «школы М.Н. Покровского», которую обвинили в «вульгаризаторстве» и «извращенном толковании исторических фактов»⁸⁰. Были изданы сборники статей историков, направленные «против исторических взглядов Покровского». В частности, в Институте истории АН СССР такую публикацию объемом 35 печатных листов подготовили в 1938 г. и издали в 1939 г. В советской печати было отмечено «положительное значение» этого сборника для борьбы «с антимарксистскими теориями на историческом фронте»⁸¹. В распространении «исторического нигилизма» в 1920-х гг. были обвинены «враги народа». Член-корреспондент Академии наук СССР А.М. Панкратова (сама бывшая ученица М.Н. Покровского) в 1940 г. обрушилась на «троцкистов и их пособников» с обвинением в том, что они, «используя... взгляды школы Покровского на историю как науку... ликвидировали преподавание истории в вузах и школах, упразднили исторические факультеты, прекратили подготовку кадров историков»⁸². С другой стороны, историкам и пропагандистам пришлось объяснять прежний антипатриотизм большевистской партии. Теперь выступление большевиков в 1914–1917 гг. против «защиты буржуазного отечества в империалистической войне»⁸³ было определено как «величайший образец интернационализма и вместе с тем – подлинной любви к родине»⁸⁴.

Историки занялись переоценкой истории России и русского народа. В июле 1938 г. в журнале «Большевик» вышла статья академика Е.В. Тарле, в которой утверждалось, что «Россия оказывала от начала и до конца XIX в. колоссальное влияние на судьбы человечества», при этом выступая «не только в качестве жандарма Европы». Русский народ, в свою очередь, «властно занял одно из центральных, первенствующих мест в мировой культуре». Именно тогда «впервые особенно ярко проявилось мировое значение русского народа, когда впервые русский народ дал понять, какие великие возможности и интеллектуальные и моральные силы таятся в нем и на какие новые пути он может перейти сам и в будущем повести за собой человечество»⁸⁵. Аналогичные оценки прошлого России звучали в публикациях общественных деятелей, пользовавшихся большой популярностью в народе. Полярник И.Д. Папанин писал в «Правде», что хотя «по справедливости называли царскую Россию тюрьмой народов», но «в этой тюрьме томился и русский народ, ибо и он был скован по рукам и ногам цепями гнета и бесправия», «величайшего угнетения». При этом «царизм и капиталистический строй подавляли творческие силы нашего народа», «господствующие классы царской России делали все, чтобы задушить русский народ», «боялись и ненавидели его»⁸⁶.

Факты принижения истории русского народа, имевшие место в 1930-х гг., подверглись жесткой критике. В июле 1938 г. в «Правде» была дана низкая оценка «Малой советской энциклопедии» за то, что в ней «история борьбы русского народа за независимость нашей родины дана схематично и убого, то и дело встречаешь стремление принизить великий русский народ». Власти обрушились на авторов энциклопедии за то, что в ней не сказано «ни слова ни о борьбе со шведскими феодалами в XIII в., ни о битве в 1240 г., ни о Ледовом побоище в 1242 г. Об Александре Невском в 1-м издании говорится лишь, что он “оказал ценные услуги новгородскому торговому капиталу”, во 2-м издании... имя А. Невского вовсе выброшено. 1-е издание внушает читателям, что никакого татарского ига, порабощения не было, что это – “названия, данные русскими историками-националистами”, во 2-м издании... в статье о монгольском нашествии всего 4 строки... Важнейшему историческому событию – Куликовской битве – уделено всего 10 строчек. “Слово о полку Игореве” трактуется только как история неудачного похода русских. В статьях о Наполеоне “забыто” главное – что его судьба решалась, прежде всего, на полях России, русским народом, а не англо-прускими союзными войсками под Лейпцигом и Ватерлоо. Кутузов обрисован как серый, посредственный генерал, известный тем, что “потерпел поражение при Аустерлице”... Нет правильных характеристик сражений под Полтавой, Лесной»⁸⁷.

Одной из акций в рамках нового курса политики стала реабилитация казачества, которое ранее рассматривалось как атрибут «царского прошлого», а в 1920-х гг. казачьи регионы прошли через жестокую процедуру «расказачивания». 18 февраля 1936 г. в «Правде» была опубликована статья «Советские казаки», в которой говорилось, что теперь «казачество стало советским не только по государственной принадлежности, но и по духу, по устремлениям, по преданности советской власти»⁸⁸. 20 апреля 1936 г. ЦИК СССР принял постановление «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА».

Власти поставили задачу разработать и издать учебники, содержащие новую концепцию истории. В октябре – ноябре 1937 г. в школы поступил «Краткий курс истории СССР» (под редакцией А.В. Шестакова), в котором красной нитью проходила тема патриотизма. И.В. Сталин принимал личное участие в редактировании этого учебника⁸⁹. Было предписано осуществить перевод учебника А.В. Шестакова на языки народов СССР (например, на чеченский и ингушский⁹⁰).

В том же году был издан дореволюционный «Курс русской истории» В.О. Ключевского⁹¹. А.В. Шестаков в своей статье «За большевистское изучение истории СССР» писал о том, что решения правительства по вопросу преподавания истории в школе «послужили толчком,

вызвавшим среди самых широких масс необычайный интерес к историческим знаниям, к изучению великого прошлого нашей родины». Историки должны были выполнить «свою основную задачу – воспитывать на историческом материале любовь к родине, советский патриотизм, готовность к отпору фашистским разбойникам». Говоря о «Курсе русской истории» В.О. Ключевского, А.В. Шестаков призывал «не отказываться от буржуазного наследства в области исторической науки», однако снабжать такие издания комментариями⁹².

Большое участие в развитии национально ориентированной пропаганды принял Институт истории АН СССР. В 1938 г. ученые института работали над темами «История русского народа» и «История отдельных народов СССР», подготовили к печати сборник материалов «Война 1812 г.», М.Н. Тихомиров написал статью «Борьба русского народа против немецкой агрессии в XII–XIV вв.», А.А. Савич – монографию «Польско-литовская интервенция в Московском государстве в начале XVII в.», а также работал над темой «Борьба Украины в XVII в. с польским владычеством и присоединение ее к России». В 1940 г. в институте были проведены дискуссии по темам «Образование русского национального государства», «Об образовании украинской и белорусской народностей», сделаны доклады на тему «Состояние вопроса о древнейших судьбах славян в прикарпатских областях» и «Происхождение славян». Ленинградское отделение Института истории в 1940 г. работало над темами «Военное прошлое русского народа» и «История русской культуры». В 1941 г. Институт истории разрабатывал темы «История культуры русского народа», «История развития русской общественной мысли», «История Москвы»⁹³.

В то же время обратной стороной усиления русского национального фактора стало недостаточное внимание к истории других народов. Как выяснилось во время обсуждения учебника по истории СССР для вузов, проведенного в январе 1940 г., истории народов Кавказа в XVIII в. было «посвящено каких-нибудь полстранички», а также было мало сказано про воздействие нашествия Батыя на страны Азии и Западной Европы⁹⁴. В августе 1940 г. секретарь ЦК КП(б) Грузии К.Н. Чарквиани написал И.В. Сталину, что «в учебнике допущены совершенно нетерпимые искажения и игнорирование истории грузинского народа», которой «авторы учебника отвели... немногим больше места, чем истории, например, хазаров, гуннов и др[угих] кочевников, не внесших ничего в сокровищницу человеческой культуры». Даже вопросы взаимоотношений Московского государства с грузинскими царствами и присоединения Грузии к России были «недостаточно и неправильно освещены». По мнению К.Н. Чарквиани, «в учебнике... в такой же степени искажена история и других кавказских народов»⁹⁵. Критика не была оставлена без ответа – в октябре 1940 г. ЦК ВКП(б) предложил Институту истории АН СССР переработать указанный учебник⁹⁶.

Подъем национально ориентированной пропаганды не мог не вызвать реакцию отторжения со стороны коммунистов, которые жестко придерживались идеологии «пролетарского интернационализма». 7 марта 1938 г. Н.К. Крупская написала письмо И.В. Сталину, в котором выразила озабоченность тем, что «начинает показывать немного рожки великодержавный шовинизм»⁹⁷. Некоторые критики из числа «пролетарских интернационалистов» старались представить чуть ли не любое произведение на патриотическую тему как олицетворение «квасного патриотизма» («кузьма-крячковщины»). Так, литературовед В. Блюм считал, что кинокартины «Александр Невский» и «Петр Первый», опера «Иван Сусанин», пьеса «Богдан Хмельницкий» искаженно освещают исторические события, подменяют пропаганду советского патриотизма пропагандой расизма и национализма в ущерб интернационализму. Однако такая позиция не получила поддержки у власти. В сентябре 1939 г. ЦК ВКП(б) принял постановление, осуждавшее «вредные тенденции огульного охаивания патриотических произведений»⁹⁸.

В то же время советское руководство стремилось избежать чрезмерного усиления «русского фактора» – в первую очередь принимая во внимание многонациональный характер страны. С этой целью в СССР была разработана и активно внедрялась концепция «советского патриотизма», который определялся как «любовь и преданность своему отечеству, своей родине, чувство ответственности за судьбы своей страны, желание и готовность защищать ее от угнетателей и интервентов»⁹⁹. Этой идеологии придали исторические корни. М.И. Калинин в докладе на собрании партийного актива Москвы в октябре 1940 г. заявил: «Проповедь советского патриотизма не может быть оторванной, не связанной с корнями прошлой истории нашего народа. Она должна быть наполнена патриотической гордостью за деяния своего народа. Ведь советский патриотизм является прямым наследником творческих дел предков, двигавших вперед развитие нашего народа»¹⁰⁰. Было объявлено, что «советский патриотизм» «совершенно чужд и в корне враждебен всякому шовинизму, всякому чувству национальной исключительности»¹⁰¹.

Введение обязательного изучения русского языка в СССР не являлось «русификацией». Его целью было лишь создание условий для билингвизма (двуязычия) или, самое большее, формирования «двойной культуры»¹⁰² у «нерусских» народов СССР. В сентябре 1940 г. политбюро ЦК ВКП(б) обязало партийных и советских чиновников, работавших в национальных республиках, изучать язык титульной нации. Отсутствие намерения властей проводить русификацию в том числе проявилось в отказе от реализации программы по обязательному введению русифицированных фамилий и отчеств для коренных народов Азербайджана, Казахстана и Средней Азии¹⁰³.

Связь «советского патриотизма» с русским национальным фактором была обыграна властями особым образом: «Советский патриотизм русского народа – это любовь к социалистической родине – отечеству трудящихся всего мира»¹⁰⁴. Известный журналист М. Кольцов в статье «Русские люди, советские люди» (о полярниках-папанинцах) дал весьма образную, в духе того времени, характеристику связи «русского» и «советского»: «Враги... стараются по-своему истолковать триумф фантастически смелой советской полярной экспедиции... Они объясняют: Папанин, Кренкель, Ширшов и Федоров – это просто храбрые русские люди, успех их – это успех русского национального молодечества, и ничего специально советского, большевистского в нем нет... Да, четверка на льдине – это русские люди, но когда, как не именно под знаменем большевизма, под ленинским и сталинским знаменем, русский народ и все народы бывшей колониальной царской империи развернули свои национальные таланты и доблести, когда, как не теперь, нашли широкие свободные пути, громадные поприща для своих способностей, сметки, героизма, изобретательности, размаха?... Эти всемирно прославленные путешественники, исследователи, летчики несут в органическом соединении русское и большевистское, личное и сталинское»¹⁰⁵. Таким образом, М. Кольцов назвал полярника Э.Т. Кренкеля «русским», хотя по национальности он был немец. В таких пропагандистских посылах проявилась характерная черта концепции «советского патриотизма» – смешение русской и советской идентичностей.

Пропаганда активно прославляла «безнациональные» проявления «советского патриотизма», публикуя материалы о «беспримерных в истории подвигах» советских патриотов, «героизме советских патриотов», «семьях патриотов», «демонстрациях патриотов». И.Д. Папанин писал о подвигах полярников, популяризации которых пропаганда уделяла много внимания: «Родина дала нам все, о чем только может мечтать человек»¹⁰⁶. Особое внимание посвящалось патриотизму в военной сфере: «Красная армия сформировала волевых, всесторонне развитых, преданных родине советских патриотов»¹⁰⁷, «советский патриотизм взял свое у

берегов Хасана и на монголо-маньчжурской границе... Наши бойцы бросались в бой на врага с возгласами: “За родину”, “за Сталина!”»¹⁰⁸

«Воспитание трудящихся в духе советского социалистического патриотизма»¹⁰⁹, особенно молодого поколения¹¹⁰, стало в СССР важнейшей государственной задачей. Перед политработниками Красной армии была поставлена задача «воспитывать в каждом красноармейце и командире пламенного патриота Социалистической Родины»¹¹¹. Одно за другим появились патриотически ориентированные произведения литературы: романы «Петр Первый» А.Н. Толстого, «Дмитрий Донской»

С.П. Бородина, «Цусима» А.С. Новикова-Прибоя, «Севастопольская страда» С.Н. Сергеева-Ценского, «Порт-Артур» А.Н. Степанова, историческая трилогия В. Яна «Нашествие монголов», поэмы К. Симонова «Суворов» и «Ледовое побоище». Патриотический характер имели многие известные музыкальные произведения: кантата С.С. Прокофьева «Александр Невский» и симфония-кантата Ю.А. Шапорина «На поле Куликовом». Поставленная перед советским кинематографом задача создавать «фильмы, воспитывающие советского патриота»¹¹² была реализована в художественных кинолентах «Минин и Пожарский» и «Суворов» В.И. Пудовкина, «Александр Невский» С.М. Эйзенштейна, «Богдан Хмельницкий» И.А. Савченко. Высокую оценку получил известный пропагандистский фильм «Если завтра война» (1938 г.) – именно за то, что «он вызывает чувства советского патриотизма»¹¹³.

Тем не менее «чрезмерное» увлечение реабилитацией дореволюционной истории России было признано властями недопустимым, так как это могло поколебать основы идеологии «советского патриотизма». Известный советский деятель Е.М. Ярославский¹¹⁴ в опубликованной им в 1939 г. в журнале «Историк-марксист» статье сетовал: «Ведя борьбу против антимарксистских извращений исторической “школы” Покровского, некоторые историки делают новые, не менее серьезные ошибки... Договариваются до того, что считают наименьшим злом вообще всю колониальную политику, все колониальные завоевания русского царизма... Что порабощение народов Средней Азии царским правительством было наименьшим злом, так как, дескать, если бы этого порабощения не было, то народы Средней Азии и в настоящее время находились бы либо под властью английского империализма, либо под властью Китая».

Е.М. Ярославский резко раскритиковал профессора Н.М. Дружинина и других историков за то, что они «производят ревизию взглядов на характер Крымской войны, относительно которой есть совершенно определенные указания Маркса и Ленина, что это была захватническая война», пересматривают оценку Священного союза и монархов в начале XIX в., «причем опять-таки игнорируются Маркс и Энгельс». Е.М. Ярославский утверждал, что, «становясь на такую позицию, можно прийти к оправданию всех и всяческих насилий царизма», и это «таит опасность развития квасного патриотизма, ничего общего не имеющего с советским патриотизмом, который питается героической борьбой народов СССР и их лучших представителей как с иностранными захватчиками, так и с царским самодержавием». Поэтому он призвал «решительно бороться против того, чтобы в качестве героев прославлять людей, которые свой ум, таланты и энергию отдавали на угнетение народов, населяющих Россию». В качестве примера таких исторических личностей Е.М. Ярославский указал генерала М.Д. Скобелева¹¹⁵ – героя Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и покорителя Средней Азии.

Чтобы сбалансировать реабилитацию героических страниц русского дореволюционного прошлого, историки не оставляли своим вниманием тему «русского колониализма». Институт истории АН СССР в 1939 г. разрабатывал такие темы, как «Колониальная политика царизма в Казахстане 1785–1828 гг.» и «Борьба горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля», в 1941 г. – «Борьба горцев Северо-Западного Кавказа за независимость (1849–1856 гг.)»¹¹⁶. История народов СССР и их «освободительная борьба» были отражены в литера-

туре (романы «Десница великого мастера» К.С. Гамсахурдиа, «Великий Моурави» А.А. Антоновской, «Разин Степан» и «Гулящие люди» А.П. Чапыгина, «Наливайко» И.Л. Ле, «Иван Богун» Я.Д. Качуры, трилогия о Радищеве О.Д. Форш), кинематографе (фильмы «Пугачев», «Степан Разин», «Салават Юлаев»), музыке (оперы «Кер-оглы» У.А.-Г. оглы Гаджибекова, «Степан Разин» А.А. Касьянова).

Государственные органы в сфере науки и образования были озабочены дальнейшим развитием исторической науки, которая заняла важное место в научном обосновании новой национально-патриотической политики. В марте 1941 г. Всесоюзный комитет по делам высшей школы и Наркомпрос РСФСР направили А.А. Жданову письмо с просьбой «разрешить созвать в июне 1941 г. совещание историков, работающих в высших учебных заведениях и научно-исследовательских институтах» (предыдущее совещание было проведено еще в 1928 г.). Необходимость созыва совещания была обусловлена «целью подведения итогов, обмена опытом работы, а также обсуждения ряда принципиальных вопросов развития исторической науки». Мероприятие предполагалось провести в течение 8—10 дней с участием 150 человек и обсуждением таких вопросов, как «состояние и перспективы развития исторической науки в СССР», «историческое образование в вузах», «преподавание истории в школах», «периодизация истории»¹¹⁷. Проведению совещания историков помешало начало Великой Отечественной войны, и оно было организовано только в 1944 г.

Как составная часть идеологии советского патриотизма, в СССР культивировалась концепция братства и непоколебимой дружбы народов¹¹⁸. Советский Союз был провозглашен «братской семьей»¹¹⁹, «великим содружеством народов и наций», которые «достигли подлинного расцвета»¹²⁰. Дружба народов СССР была признана «нерушимой»¹²¹, так как «народы... Союза верны [своему] братству»¹²². «Великая дружба народов СССР» подавалась как закономерный результат правильной национальной политики государства. Было провозглашено, что в Советском Союзе «опыт создания многонационального государства на основе социализма удался полностью», «великий многонациональный советский народ един в своей преданности делу Ленина – Сталина, в своей сплоченности вокруг партии большевиков». Видный партийный деятель Г.М. Маленков в своей речи на митинге избирателей Красногорского избирательного округа положение в СССР обозначил как «торжество ленинско-сталинской национальной политики»¹²³. Украинский писатель А. Корнейчук подчеркивал, что «ни одно капиталистическое государство не могло и не в силах разрешить национальный вопрос», и только в СССР «правильное разрешение национального вопроса было глубоко и всесторонне разработано». По его мнению, «события на озере Хасан показали всему миру, что значит сталинская дружба народов... Сокрушительной лавиной двигались против японских самураев плечом к плечу – русский и украинец, грузин и татарин, казах, белорус и чеченец – равноправные сыны нашей прекрасной матери-родины»¹²⁴. В перспективе предполагалось укрепление «братства народов» СССР вплоть до «постепенного слияния наций... на основе общей социалистической экономики, способствующей стиранию национальных особенностей»¹²⁵, тем более что констатировался «процесс развития и сближения языков, который происходит на базе тесного сотрудничества народов СССР, их постоянного сближения»¹²⁶. Таким образом, в СССР появились идеи, направленные на формирование в будущем единой «советской нации» (подобно таким политическим нациям, как американцы США, канадцы, австралийцы).

Для подкрепления идеологии «советского патриотизма» в СССР была доработана концепция национального вопроса.

В опубликованной в 1939 г. статье И.В. Сталина «Марксизм и национально-колониальный вопрос» были даны определения нации, народности, национальной группы¹²⁷. Утверждалось, что место межнациональных противоречий, неразрешимых при капитализме, при

социализме «занимает национальная свобода и национальное равноправие, братская помощь одних народов другим народам в деле преодоления фактического неравенства наций». Как итог советской национальной политики, «развился мощный процесс консолидации наций, расцвет всех народов СССР»¹²⁸. В то же время констатировалось сохранение неравенства наций, вследствие чего «остаются в силе и особые задачи ленинско-сталинской национальной политики, связанные с вопросом ликвидации этого неравенства, на основе нового, несравненно более высокого, уровня, достигнутого передовыми частями нашего Союза»¹²⁹. Эта концепция объясняла усиление русского национального фактора, наряду с «советским патриотизмом», необходимостью использовать потенции русского народа как «наиболее передового» для оказания помощи другим народам СССР.

В целом предвоенный период характеризовался общим повышением значимости этнического фактора в Советском Союзе, а также формированием деления наций на «своих» и «чужих». Советское государство недвусмысленно заявило, что национальность – это одно из самых существенных отличительных свойств каждого человека, в результате чего «определение человека по его национальности вошло в натуру советских людей»¹³⁰. Еще в 1935 г. в аппарате ЦК ВКП(б) была введена новая форма учета кадров, в которой была впервые предусмотрена графа «национальность». Затем был введен учет национальности работников всех государственных учреждений. С 1937 г. НКВД СССР стал фиксировать сведения о национальности заключенных. 2 апреля 1938 г. вышла директива НКВД, установившая новый порядок указания национальности при выдаче или обмене паспортов – если раньше в паспорте записывалась та национальность, к которой причислял себя сам гражданин, то теперь следовало исходить исключительно из национальности родителей, предъявляя при этом их паспорта и другие документы. Этот подход сохранился на многие десятилетия¹³¹.

«Выдвижению и воспитанию национальных кадров» в СССР продолжало придаваться «огромное политическое и практическое значение»¹³². Так, на 4-м пленуме Камчатского обкома ВКП(б) в январе 1940 г. было объявлено: «За последние годы... в национальных округах выросла местная национальная интеллигенция, местные кадры. Сплошь и рядом председатель колхоза, сельсовета, комсомолец – чукча, коммунист – чукча»¹³³. Была реабилитирована «национальная экзотика», началось создание и прославление национальной культуры всех народов СССР¹³⁴. В Москве были проведены «национальные декады» (в октябре 1939 г. – армянского, в июне 1940 г. – белорусского, в октябре 1940 г. – бурят-монгольского искусства, в мае 1940 г. – азербайджанской литературы). В 1939 г. праздновалось 1000-летие армянского народного эпоса «Давид Сасунский», в 1940 г. – 500-летие калмыцкого эпоса «Джангар».

Однако на самом деле национальные кадры, национальная культура и искусство являлись лишь проводниками укрепления «советского патриотизма». В реальности произошло свертывание работы с национальными меньшинствами, особенно с теми, которые не принадлежали к «коренным» народам СССР. По решению Оргбюро ЦК ВКП(б) от 1 декабря 1937 г. был ликвидирован ряд немецких, финских, корейских, болгарских и других национально-территориальных единиц, было признано вредным существование особых национальных школ (финских, эстонских, латышских, немецких, английских, греческих и др.) и предложено реорганизовать их «в советские школы обычного типа». На Украине были закрыты пионерские газеты на немецком и еврейском (идиш) языках, вместо них началось издание всеукраинской пионерской газеты на русском языке¹³⁵. В марте 1938 г. были ликвидированы некоторые национальные (финские, латышские, немецкие¹³⁶, греческие и др.) педагогические училища¹³⁷.

7 марта 1938 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О национальных частях и формированиях РККА», которое предусматривало переформирование национальных частей, военных училищ, школ РККА в общесоюзные с экстерриториальным комплекто-

ванием, изменение дислокации соответствующих частей и соединений и призыв граждан всех регионов «на общих со всеми национальностями СССР основаниях»¹³⁸.

Были осуществлены депортации и «чистки» по национальному признаку. Еще в 1936 г. с Украины в Казахстан было переселено 45 тыс. поляков и немцев. В 1937 г. 2 тыс. курдов из приграничных районов Закавказья, Туркмении, Узбекистана и Таджикистана было переселено в Киргизию и Казахстан, 172 тыс. корейцев было депортировано с Дальнего Востока в Казахстан и Среднюю Азию. В 1939 г. депортации подверглись поляки («осадники» и «лесники») из Западной Украины и Западной Белоруссии. В 1940 г. из Мурманской области были депортированы «граждане инонациональностей»¹³⁹.

20 июля 1937 г. политбюро ЦК ВКП(б) постановило «дать немедленно приказ по органам НКВД об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах». Затем из оборонной промышленности были «вычищены» поляки, корейцы, латыши, эстонцы, финны, греки, китайцы, иранцы, румыны. В постановлении политбюро ЦК ВКП(б) от 23 марта 1938 г. признавалось «ненормальным, что на предприятиях, в главных управлениях и центральном аппарате Наркомата оборонной промышленности работает большое количество немцев, поляков, латышей, эстонцев», и было поручено «очистить оборонную промышленность от лиц указанных национальностей»¹⁴⁰. В июне – июле 1938 г. была произведена чистка армии – были уволены и почти сразу в большей части арестованы практически все военнослужащие и вольнонаемные «иностранных национальностей»¹⁴¹. Из числа 3176 политработников, уволенных из армии в 1938 г., 863 человек были по национальности поляки, немцы, латыши, литовцы, эстонцы, китайцы и др.¹⁴² После прихода в мае 1939 г. В.М. Молотова на пост наркома иностранных дел было уволено до 90 процентов ответственных работников наркомата¹⁴³. По мнению З. Шейниса, после этого дипломатические кадры стали подбираться «по расовому принципу»¹⁴⁴.

В СССР осуществлялась борьба с проявлениями «буржуазного национализма» и «великодержавного шовинизма» – оба этих «уклона» были признаны в качестве наибольших угроз для единства народов страны. Достоверность ряда обвинений в «национализме» и «шовинизме» сомнительна, так как они были сделаны в рамках кампании массовых репрессий. Например, в ноябре 1937 г. Калмыцкий обком объявил, что «враги народа» якобы агитировали за то, чтобы «от Калм[ыцкой] республики... выбирать только калмыков». Однако некоторые сигналы, поступавшие в Москву с мест, были достоверными. В Кабардино-Балкарии были выявлены факты убийств, драк, избиений, гонений на национальной почве, которым потворствовали некоторые местные органы исполнительной и судебной власти¹⁴⁵. В поселке Кызыл-Кия (Киргизская ССР) были выявлены следующие факты: «Все новые дома, построенные за последние годы, заселены русскими... Все киргизы и узбеки живут в кибитках... С рабочими киргизами на шахтах обращение со стороны администрации чрезвычайно грубое, крики “баран”, “ишак” – обычное явление»¹⁴⁶. В Бурятской кавалерийской бригаде не были налажены «здоровые взаимоотношения между отдельными командирами – русскими и бурятами», отмечалось неодинаковое «бытовое положение командиров русских и бурят», «задержки в выдвижении бурятских кадров командиров», «высокомерное отношение» к бурятам «со стороны высшего комсостава бригады – русских товарищей»¹⁴⁷.

Антисоветский эмигрантский журнал «Прометей», которому стали известны факты националистических проявлений в СССР, сделал вывод, что «сопротивление организаций и местных учреждений в нерусских районах против центральной власти очевидно». Однако такой вывод был передергиванием фактов – в действительности в предвоенный период националистические проявления в СССР не перешли обычных границ, и массовых фактов национальной розни выявлено не было. Власти Советского Союза жестко боролись с проявлениями дискриминации по национальному признаку, а местные органы власти получали указания

исправлять такие ошибки. Так, командованию Бурятской кавалерийской бригады было тут же дано указание ситуацию «быстро исправить, создать здоровую обстановку в бригаде... усилить партийно-политическую работу, интернациональное воспитание кадров и дело боевой подготовки в бригаде»¹⁴⁸.

Важным аспектом советской политики в предвоенный период стало противостояние нацизму. Приход партии А. Гитлера – НСДАП – к власти в Германии в 1933 г. был резко негативно встречен в СССР. Антифашистская пропаганда в Советском Союзе была решительной и бескомпромиссной¹⁴⁹. Она строилась на лозунгах «Фашизм – это война! Социализм – это мир!», и все народы мира были приглашены вступить в «союз против фашизма». Эпитеты, данные нацистам и их предшественникам – германским империалистам, были самыми жесткими¹⁵⁰.

Материалы пропаганды подчеркивали экспансионистские намерения Германии, имевшие свои корни в прошлом. В мае 1938 г. академик Е. Тарле в статье «Фашистская геополитика и экспансия на Восток» писал: «Кратковременное занятие советской территории весной и летом 1918 г. имело поистине роковое значение для психологии вождей буржуазных партий Германии вообще, а реакционно-монархических и фашистских группировок в особенности: большая часть их крепко и надолго уверовала в полную будто бы легкость аннексий на Востоке и в дальнейшем будущем»¹⁵¹. Новые агрессивные намерения Германии были отражены в поэме К. Симонова «Ледовое побоище»: «За школьной партией / “Майн кампф” зубрят ученики, / И наци пальцами по карте / Россию делят на куски»¹⁵².

Советская пропаганда выражала солидарность с еврейским населением Германии, регулярно помещая материалы о гонениях, погромах, зверских расправах и издевательствах в отношении евреев. Нацисты именовались «погромщиками и каннибалами», упоминалось, что «весь мир возмущен зверствами фашистских погромщиков», в связи с чем поднялась «волна протестов». Акции протеста проводились и в СССР. В ноябре 1938 г. в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Сталино и Тбилиси были организованы митинги советской интеллигенции, выразившей «свое возмущение и негодование еврейскими погромами в Германии». В то же время немецкий народ не обвинялся в гонениях на евреев: «Бесправие евреев есть наиболее крайнее выражение общего бесправия германского народа. Со стиснутыми зубами, со связанными руками рабочие, крестьяне, все честные люди Германии присутствуют при отвратительном зрелище кровавой охоты на евреев, которую устроила кучка фашистских громил»¹⁵³.

Таким образом, до середины 1939 г. советская пропаганда вела последовательную воспитательную работу в духе ненависти к фашизму и его идеологии¹⁵⁴. Однако затем, в связи с неудачей создания общеевропейской системы «коллективной безопасности», установления союза с Великобританией и Францией, конфликтами с Японией, советское руководство берет курс на осторожную нормализацию отношений с Германией. 23 августа 1939 г. был подписан советско-германский Пакт о ненападении. 31 августа 1939 г. на внеочередной 4-й сессии Верховного Совета СССР В.М. Молотов торжественно объявил: «Конец вражде между Германией и СССР... Мы стояли и стоим за дружбу народов СССР и Германии, за развитие и расцвет дружбы между народами Советского Союза и германским народом»¹⁵⁵. Англо-французские планы «столкнуть СССР и Германию» были признаны провалившимися¹⁵⁶.

После подписания пакта в СССР произошло резкое свертывание антифашистской и антигерманской пропаганды. Произведения искусства, в которых имелись соответствующие мотивы, были «отсеяны», и исполнять их более не разрешалось¹⁵⁷ – в том числе из проката был изъят кинофильм «Александр Невский»¹⁵⁸. Цензура жестко пресекала антифашистские и антигерманские публикации¹⁵⁹. Через Коминтерн было оказано давление на компартии западных стран, которым была дана обязательная для выполнения директива: свернуть борьбу про-

тив немецкого фашизма. Агрессором объявлялся «англофранцузский империализм», против которого требовалось направить пропаганду и агитацию всех компартий¹⁶⁰.

В исторической литературе получили распространение утверждения о том, что руководство СССР в 1939 г. было «одурачено» и искренне верило в союз с Германией. В частности, Ю.З. Кантор пишет, что после подписания пакта СССР отказался от сопротивления национал-социализму на идеологическом уровне, а «доверие» И.В. Сталина «к друзьям было столь сильным, что заслоняло даже очевидность» (информацию разведки)¹⁶¹. Такие утверждения являются более чем спорными. 19 августа 1939 г. И.В. Сталин на заседании политбюро призвал «принять немецкое предложение» о заключении пакта, «предвидя последствия, которые будут вытекать как из поражения, так и из победы Германии». Он подчеркнул, что «в случае ее поражения неизбежно произойдет советизация Германии и будет создано коммунистическое правительство... Наша задача заключается в том, чтобы Германия смогла вести войну как можно дольше, с целью, чтобы... изнуренные Англия и Франция были не в состоянии разгромить советизированную Германию. Придерживаясь позиции нейтралитета и ожидая своего часа, СССР будет оказывать помощь нынешней Германии, снабжая ее сырьем и продовольственными товарами... Если Германия одержит победу, она выйдет из войны слишком истощенной, чтобы начать вооруженный конфликт с СССР по крайней мере в течение 10 лет... В интересах СССР – родины трудящихся, – чтобы война разразилась между рейхом и капиталистическим англо-французским блоком. Нужно сделать все, чтобы эта война длилась как можно дольше в целях изнурения двух сторон»¹⁶².

После того как пакт был заключен, 7 сентября 1939 г., в беседе с генеральным секретарем ИККИ Г. Димитровым в присутствии В.М. Молотова и А.А. Жданова И.В. Сталин говорил: «Неплохо, если руками Германии будет распатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). А. Гитлер, сам того не понимая и не желая, расстраивает, подрывает капиталистическую систему»¹⁶³. Истинные намерения советского руководства понимали и на германской стороне. 16 июня 1941 г. Й. Геббельс сделал запись в своем дневнике: «Москва намерена избегать войны до тех пор, пока Европа не будет обессилена и обескровлена. Сталин начнет действовать, большевизирует Европу и установит свое господство»¹⁶⁴. Таким образом, следует говорить не о «доверии» И.В. Сталина нацистскому руководству Германии, а лишь о его ошибках и неудачах в подготовке к неминуемой войне, а также в оценке времени начала и последующего хода войны с Германией.

Заключение пакта с Германией вызвало в общественном сознании советского народа неоднозначную реакцию, внесло определенную дезориентацию – и в массовое сознание, и в деятельность пропагандистских структур. Официально провозглашенный советским руководством курс на сближение и даже «дружбу» с нацистской Германией не находил широкого отклика среди общественности, так как такой вектор политики разрушал формировавшийся годами враждебный стереотип германского фашизма¹⁶⁵. Резко проявилась негативная реакция на пакт, как среди творческой интеллигенции, так и «простых людей», включая красноармейцев, которые воспринимали немцев как потенциальных военных противников¹⁶⁶.

Неприятие противоестественной «дружбы» Третьего рейха и СССР проявилось в том, что Германию в народе стали называть «наш заклятый друг». В среде советского народа проявлялись не только «антифашистская инерция», но и прямое сопротивление переменам в пропаганде¹⁶⁷. Многие люди понимали, что пакт с Германией – не навсегда, что это какая-то «хитрость», дипломатическая уловка. Красноармейцы в начале 1941 г. говорили: «Германия хитрит, и эта хитрость получается очень выгодна для нее, она заключила мирный договор с Советским Союзом с целью, чтобы обезопасить себя с востока, а сама продолжает свою захватническую политику»; «В политике Германии сейчас можно видеть, что она желает усилить

себя и с помощью других стран разбить Англию, а потом она и против нас пойдет. Так почему же мы сейчас торгуем с ней, ведь это укрепляет ее положение»; «Если Германия нападет на нас на Западе, то Япония нападет на Востоке»¹⁶⁸. Таким образом, в общественном сознании Германия и после пакта осталась скорее самым главным и вероятным противником, чем союзником¹⁶⁹.

Неприятие пакта советскими людьми отмечал германский посол В. фон Шуленбург в телеграмме в МИД Германии от 6 сентября 1939 г.: «Неожиданное изменение политики советского правительства после нескольких лет пропаганды, направленной именно против германских агрессоров, все-таки не очень хорошо понимается населением. Особенности сомнения вызывают заявления официальных агитаторов о том, что Германия больше не является агрессором... Население высказывает опасения относительно того, что Германия после разгрома Польши повернет против Советского Союза»¹⁷⁰.

Однако сворачивание антифашистской пропаганды в СССР все-таки дало плоды. Осенью 1940 г. выяснилось, что «некоторые красноармейцы войну между Германией и Англией считали справедливой со стороны Германии». Назначение в Германию советского посла В.Г. Деканозова (он сохранил за собой пост заместителя наркома иностранных дел СССР) рассматривалось как «новый этап дружбы СССР с Германией»¹⁷¹. Безусловно, такие настроения были результатом воздействия пропаганды, развернутой после заключения пакта.

Тем не менее в 1940 г. в отношениях СССР и Германии наступило охлаждение. Советские руководители были обеспокоены тем, как ведет себя Германия на международном поле. Уже с августа 1940 г. деятельность Коминтерна приобрела замаскированную антигерманскую направленность¹⁷². После визита В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. произошло усиление антигерманских настроений советского руководства¹⁷³, тем более что в декабре 1940 г. в руках советской военной разведки оказались основные положения плана «Барбаросса»¹⁷⁴.

В советскую пропаганду стали возвращаться антигерманские мотивы, которые в «закрытых» документах появились уже осенью 1940 г. В марте 1941 г. Сталинская премия была присуждена фильму «Александр Невский», который имел явную антигерманскую направленность, а в апреле 1941 г. фильм был снова выпущен в кинопрокат. В марте – апреле 1941 г. в ТАСС была создана новая редакция пропаганды во главе с Я.С. Хавинсоном, которая начала подготовку к идеологической борьбе с геббельсовским министерством пропаганды¹⁷⁵.

В марте 1941 г. на совещании у начальника Главного управления политической пропаганды (ГУПП) Красной армии

А.И. Запорожца присутствовали кинорежиссеры С. Эйзенштейн, Г. Александров, сценаристы Вс. Вишневский, А. Афиногенов и др. По их предложению была создана Оборонная комиссия Комитета по делам кинематографии при СНК СССР. Первое ее заседание состоялось 13 мая 1941 г. Членам Оборонной комиссии была поставлена задача готовить фильмы о действиях различных родов войск Красной армии против вероятного противника – Германии. Передовица «Правды» от 1 мая 1941 г. гласила, что в СССР «выброшена на свалку истории мертвая идеология, делящая людей на “высшие” и “низшие” расы», – в этой фразе содержался ясный намек на нацистскую идеологию. Кульминацией возврата к антигерманской политике в преддверии войны стала «закрытая» речь И.В. Сталина перед выпускниками военных академий РККА 5 мая 1941 г. – помимо констатации захватнических устремлений Германии в Европе, И.В. Сталин прямо указал на нее как на страну, начавшую новую мировую войну. Люди, слышавшие эту речь, сделали однозначный вывод о неизбежности войны с Германией¹⁷⁶, что и сбылось через полтора месяца – 22 июня 1941 г.

Восприятие угрозы со стороны германского нацизма было связано с ожиданиями войны, распространившимися в Советском Союзе. Во-первых, с определенного момента «война, кото-

рой боялись, вдруг стала представляться приемлемым выходом из создавшегося положения, способом снять накопившееся напряжение»¹⁷⁷. Во-вторых, считалось, что война ускорит бег истории и движение народных масс капиталистических стран к социализму¹⁷⁸. Широко распространялась пропаганда будущей войны – войны «справедливой», как «всякая война против фашистских мракобесов и извергов»¹⁷⁹, тем более что идеология «справедливых, незахватнических войн» якобы брала истоки в истории русского народа¹⁸⁰.

В журнале «Знамя», а затем отдельной книгой вышла «повесть о будущей войне» писателя Н. Шпанова под названием «Первый удар». Известный писатель Вс. Вишневский оценил эту книгу как «ценную, интересную, глубоко актуальную», рисующую «войну не как утопию или фантастику, а как реальное продолжение международной социально-политической борьбы, в которой неминуема победа объединенных демократических сил», которая «увлекательно говорит о том, какой будет справедливая война советского народа против агрессоров – война смертельная для врагов социализма»¹⁸¹.

В снятом в 1937–1938 гг. фильме «Великий гражданин» есть эпизод совещания ударников, на котором главный герой – партийный руководитель Петр Шахов – произносит речь: «Эх, лет через двадцать, после хорошей войны, выйти да взглянуть на Советский Союз – республик этак из тридцати – сорока... Как хорошо»¹⁸².

«Военным настроениям» способствовали муссировавшиеся пропагандой утверждения об «опасности интервенции и реставрации»¹⁸³, «нападения на СССР»¹⁸⁴, тем более что они подкреплялись самой реальностью – столкновениями с Японией у озера Хасан и на реке Халхин-Гол в 1938–1939 гг., советско-финляндской войной 1939–1940 гг.

Нередко «военные» настроения имели «шапкозакидательный» характер – считалось, что СССР «нанесет своим врагам такое поражение, которое затмит все, что знает до сих пор история», «вдребезги разобьет всех, кто осмелится посягнуть на его свободу, разгромит своих врагов на их же территории»¹⁸⁵. Одним из распространителей таких настроений был упомянутый фильм «Если завтра война», полный пафоса и укреплявший миф о войне «малой кровью, на чужой территории». Пропаганда распространяла сведения, как во время боев в районе озера Хасан «400 японских солдат бежали от горсточки советских пограничников»¹⁸⁶, описывала «исторические подвиги Красной армии при освобождении народов Западной Украины и Западной Белоруссии от польских панов и финского народа от белофинской банды»¹⁸⁷. «Советский патриотизм» и дружба народов подавались как залог победы в будущей войне¹⁸⁸.

В стране воспитывался изоляционизм, культивировалась уверенность, что СССР живет в условиях «враждебного окружения», которое «пытается вредить и пакостить... всяческими способами»¹⁸⁹. Победа коммунизма предполагалась возможной только при уничтожении этого окружения¹⁹⁰. Усилению изоляционизма способствовало исключение Советского Союза из Лиги Наций 14 декабря 1939 г. (под предлогом развязанной СССР войны с Финляндией). На совещании по вопросам политической агитации в январе 1941 г. было объявлено: «Мы не можем сказать, кто выиграет... Германия или Англия, а мы должны укреплять оборонную мощь нашей страны»¹⁹¹.

В СССР была развернута борьба с «низкопоклонством». Так, на страницах «Правды» был подвергнут шельмованию математик Н.Н. Лузин за публикацию работ в иностранных изданиях. На XVIII съезде ВКП(б) понятие «низкопоклонник» применялось почти ко всем «врагам народа». На XIX съезде ВКП(б) в отчетном докладе «низкопоклонство» было осуждено как нетерпимое для советского человека чувство. И.В. Сталин отметил, что «троцкистско-бухаринская кучка шпионов, убийц и вредителей» пресмыкалась «перед заграницей, проникнутая рабым чувством низкопоклонства перед каждым иностранным чинушей»¹⁹². Необходимость

борьбы с «низкопоклонством» в СССР усилилась после присоединения Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины. Многие советские военнослужащие и даже агитаторы и пропагандисты были поражены зажиточностью населения и изобилием товаров в этих регионах, в результате чего смогли воочию убедиться в противоречивости навязывавшихся пропагандой стереотипов об «угнетательской политике» правительств Литвы, Латвии и Эстонии¹⁹³. С такими настроениями властям приходилось бороться. В частности, политбюро ЦК ВКП(б) категорически осудило восторженный очерк писателя А.О. Авдеенко о жизни Черновицкого региона, ранее входившего в состав Румынии. И.В. Сталин и все выступавшие на этом заседании политбюро широко использовали ключевое слово «низкопоклонство». В назидание другим, писателя не печатали вплоть до 1941 г.¹⁹⁴

Несмотря на усиление национального фактора, коммунистическая идеология в Советском Союзе формально не утратила своей силы. По-прежнему считалось, что «граждане СССР... готовы отдать свою жизнь... за торжество коммунизма во всем мире»¹⁹⁵. «Пролетарский интернационализм» оставался в арсенале пропаганды как «неотъемлемое качество, боевое знамя советского патриотизма», в качестве одного из лозунгов провозгласившего, что народы СССР – «друзья всех народов»¹⁹⁶ Земли. Считалось, что «советский патриотизм воодушевляет сердца не только трудящихся нашей родины, но и трудящихся всего мира»¹⁹⁷. СССР по-прежнему рассматривался как «отечество международного пролетариата», имевшее союзников во всех странах мира, которые «до конца верны своему делу – оберегать Советский Союз от попыток интервенции его внешних врагов»¹⁹⁸. Пропагандисты на местах стремились пронизать свою работу «духом боевого пролетарского интернационализма», «органически связать с перспективами мирового коммунистического движения»¹⁹⁹. Такая же работа проводилась в Красной армии²⁰⁰, сила которой, как утверждала пропаганда, состояла в том, что «она с первого же дня своего рождения воспитывается в духе интернационализма, в духе единства интересов рабочих всех стран»²⁰¹. Однако такие заявления были направлены в основном на формирование просоветских настроений в других странах мира на случай войны, а также на будущее более гладкое вхождение в состав СССР новых территорий и народов. Во внутренней политике «классовая солидарность» с пролетариатом других стран уже отошла на второй план. В массы внедрялась установка, что, «где и при каких бы условиях Красная армия ни вела войну, она будет исходить из интересов своей Родины»²⁰².

К маю 1941 г. советское руководство, дав пропаганде указание расширить публикацию материалов «на тему о советском патриотизме»²⁰³, склонилось к еще большему усилению в этой доктрине национального фактора. И.В. Сталин сказал Г. Димитрову: «Нужно развивать идеи сочетания здорового, правильно понятого национализма с пролетарским интернационализмом. Пролетарский интернационализм должен опираться на этот национализм»²⁰⁴. В том же месяце была опубликована написанная в 1934 г. работа И.В. Сталина «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”», в которой глава Советского государства обрушился на «классика марксизма» с жесткой критикой его русофобских высказываний²⁰⁵.

Однако комплекс мер в рамках нового курса до начала войны реализовать полностью не удалось. В докладной записке ГУПП РККА на имя секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова, датированной январем 1941 г., указывалось на наличие в массах вредного предрассудка, «что будто бы в случае войны население воюющих с нами стран обязательно и чуть ли не поголовно восстанет против своей буржуазии, а на долю Красной армии останется пройти по стране противника триумфальным маршем и установить Советскую власть»²⁰⁶. Советский солдат был воспитан в классовой пролетарской идеологии и через эту призму пытался воспринимать врага, вычленяя рабочего и крестьянина из общей массы врагов, отделяя их от «господ

– эксплуататоров»²⁰⁷. Из уст советских воинов звучали, в частности, такие заявления: «Я не могу воевать. Как я буду колоть хотя бы немца, когда он такой же рабочий, как и я» (красноармеец 34-й танковой бригады Московского военного округа Орехов)²⁰⁸. Настроения, основанные на «пролетарском интернационализме», были следствием культивировавшейся ранее идеологии классовой солидарности и «шапкозакидательства». Они были губительны, ведь к этому времени руководство страны осознавало как призрачность расчетов на «мировую революцию»²⁰⁹, так и изменившееся в негативную сторону восприятие СССР в мире после его акций в «лимитрофной зоне» в 1939–1940 гг. Как сказал плененный во время Великой Отечественной войны финский офицер, «если бы 10 лет тому назад солдаты моей роты должны были бы воевать против Красной армии, они бы все перешли на вашу сторону», однако после советско-финляндской войны их настроения изменились диаметрально²¹⁰.

Власти пытались исправить ситуацию – в январе 1941 г. в подразделения Красной армии поступила директива «поднять качество всей партийно-политической и воспитательной работы»²¹¹. В Красной армии был ослаблен коммунистический диктат, который мог помешать во внедрении новой политики, направленной на корректировку понимания «пролетарского интернационализма». Нарком обороны С.К. Тимошенко, будучи сторонником единоначалия в армии, смог убедить И.В. Сталина отменить институт военных комиссаров²¹² (комиссар являлся «представителем партии и правительства в части»²¹³). 12 августа 1940 г. Верховный Совет СССР принял соответствующий указ. Приказ наркома обороны «Об укреплении единоначалия в Красной армии и Военно-морском флоте» гласил, что «институт комиссаров уже выполнил свои основные задачи... командные кадры Красной армии и военно-морского флота за последние годы серьезно окрепли», поэтому было признано необходимым «осуществление в частях и соединениях полного единоначалия и дальнейшее повышение авторитета командира – единовластного руководителя войск, несущего полную ответственность также и за политическую работу»²¹⁴. Эта мера встретила понимание в армии. В августе 1940 г. три бывших военных комиссара написали письмо в ЦК ВКП(б), в котором выразили одобрение решения об упразднении института комиссаров: «Наши командиры – это лучшие сыны нашей страны, преданные делу партии... и не требуют над собой контроля в лице комиссаров»²¹⁵. Однако времени до начала войны оставалось очень мало, и новый курс политики до начала войны полностью реализовать не удалось.

«Верующих у нас еще много миллионов»: колебания советской религиозной политики

Религиозная ситуация в стране тесно связана с национальной политикой. Представляется бесспорным утверждение, что для «русского национального самосознания характерно наличие сильнейшей, утвержденной веками христианской составляющей»²¹⁶. То же самое можно сказать об украинцах, белорусах и других традиционно христианских народах. Аналогичным образом, национальное сознание народов, традиционно исповедующих ислам, тесно связано с этой религией, бурят, калмыков и тувинцев – с буддизмом, еврейского народа – с иудаизмом.

Советское правительство провозгласило введение института свободы совести²¹⁷ в качестве одного из своих приоритетов²¹⁸. Декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 2 февраля 1918 г. гласил: «Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменяются»²¹⁹. Норма о свободе совести была представлена в статье 13 Конституции РСФСР 1918 г., статье 4 Конституции РСФСР 1925 г. и статье 124 Конституции СССР 1936 г.: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признаются за всеми гражданами»²²⁰.

Однако свобода совести в Советском государстве трактовалась в целом однобоко и некорректно – только как свобода *не* верить в Бога, свобода вести антирелигиозную пропаганду. Утверждалось, что «в Советской стране исповедовать любую религию – это дело совести каждого, и вести антирелигиозную пропаганду – это *долг* (выделено мной. – Ф. С.) каждого сознательного гражданина»²²¹. Советская пропаганда яро обличала «панскую Польшу», где «подавлялась свобода совести» путем введения уголовного наказания за атеизм²²², но умалчивала о преследовании православной церкви в этой стране.

На практике свобода совести не только не гарантировалась Советским государством, но открыто им нарушалась. Одним из основных нарушений было поражение духовенства в гражданских правах. Статья 65 Конституции РСФСР 1918 г. гласила, что «не избирают и не могут быть избранными... монахи и духовные служители церквей и религиозных культов». В статье 69 Конституции РСФСР 1925 г. это положение было дано с уточнением – «монахи и духовные служители религиозных культов всех исповеданий и толков, для которых это занятие является профессией»²²³. Однако такое уточнение большой роли не играло.

Религиозное обучение детей и миссионерская деятельность в СССР были запрещены. Хотя положения статьи 4 Конституции РСФСР 1925 г. в первоначальном варианте обеспечивали возможность ведения как антирелигиозной, так и религиозной агитации, в 1929 г. в Конституцию была внесена поправка, отменившая свободу религиозной агитации²²⁴. Пропаганда давала такому положению вещей лицемерное объяснение: якобы «религиозная агитация... глубоко враждебна нашему народу, нашему государству, науке, всей нашей культуре»²²⁵.

В то же время государство открыто поддерживало и финансировало антирелигиозную пропаганду. Массовым тиражом выпускалась антирелигиозная литература и периодическая печать, работали 47 антирелигиозных музеев²²⁶. 13 октября 1922 г. при ЦК ВКП(б) была создана Комиссия по антирелигиозной пропаганде, руководителем которой был назначен видный партийный и советский деятель Е.М. Ярославский²²⁷. Решающую роль в развитии «безбожного движения» в стране сыграла издававшаяся с 1922 г. газета «Безбожник». Вокруг нее

быстро сложилась сеть корреспондентов и читателей. Благодаря им в августе 1924 г. в Москве было образовано Общество друзей газеты «Безбожник» (ОДГБ). В апреле 1925 г. I съезд ОДГБ постановил создать единое всесоюзное антирелигиозное общество, с июня 1925 г. получившее название Союз безбожников (СБ). В июне 1929 г. в Москве на II съезде СБ было принято решение о переименовании организации в Союз воинствующих безбожников (СВБ)²²⁸. СВБ вел агрессивную антирелигиозную пропаганду, в том числе при помощи издававшихся массовым тиражом газеты и журнала «Безбожник», журнала «Антирелигиозник», ряда местных антирелигиозных газет и журналов.

Однако к середине 1930-х гг., в связи с национально-патриотической перестройкой советской политики, в отношении Советского государства к религии произошли изменения. В постановлении политбюро ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1936 г. Крещение Руси было признано «положительным этапом в истории русского народа»²²⁹. Христианство в целом стало рассматриваться как «прогрессивное явление» в истории Киевской Руси²³⁰. Даже антирелигиозная печать утверждала, что Крещение Руси было «крупнейшим историческим событием», имевшим «большое значение»²³¹. Как уже говорилось, в том же 1936 г. был подвергнут критике поэт Демьян Бедный за очернение богатырей русского былинного эпоса. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило, что богатыри «являются в народном представлении носителями героических черт русского народа»²³² – несмотря на то что Илья Муромец был монахом Феодосиева монастыря (ныне Киево-Печерская лавра), канонизированным Русской православной церковью. Впоследствии в пантеон чтимых советской властью героев был включен князь Александр Невский, также канонизированный РПЦ. Советская пропаганда не могла не отметить факт канонизации князя, однако пыталась преуменьшить значимость этого факта, утверждая, что «церковь долго спекулировала именем... героя в своих корыстных целях»²³³.

В принятой 5 декабря 1936 г. новой, «сталинской» Конституции СССР была отменена норма о дискриминации духовенства в отношении избирательных прав. Статья 135 Конституции гласила, что «все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от... вероисповедания, социального происхождения... и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах депутатов, за исключением лиц, признанных в установленном законом порядке умалишенными. Депутатом Верховного Совета СССР может быть избран каждый гражданин СССР, достигший 23 лет, независимо от... вероисповедания... социального происхождения... и прошлой деятельности»²³⁴. Пропаганда тиражировала этот факт, утверждая, что «в СССР безбожники и верующие пользуются одинаковыми правами и несут одинаковые обязанности»²³⁵.

После того как 1 февраля 1935 г. Пленум ЦК ВКП(б) принял решение о демократизации избирательного механизма в стране²³⁶, обсуждение вопроса о наделении «лишенцев», в том числе священнослужителей, избирательными правами проходило в условиях полемики. Однако И.В. Сталин изначально был против сохранения института «лишенцев»²³⁷. Верный вождю лидер советских безбожников Е.М. Ярославский поддерживал его, утверждая, что «было бы неправильно судом лишать всех священнослужителей избирательных прав, т. е. ставить... в положение преступника», так как «не только в нашей стране верующие истолковали бы это как стеснение, ограничение свободы вероисповедания, но и во всем мире враги наши использовали бы этот факт против нас»²³⁸. Наконец, в ноябре 1936 г. на Чрезвычайном VIII съезде Советов И.В. Сталин окончательно высказался против выдвинутых поправок о запрещении отправления религиозных обрядов и лишении избирательных прав служителей культа и других «элементов»²³⁹. Были также отвергнуты поправки о введении уголовной ответственности «классово-враждебных элементов» за «нелегальные собрания» и «подстрекательство к проведению своих кандидатур на выборах»²⁴⁰.

Причина предоставления избирательных прав священнослужителям (что явилось формальным приведением института свободы совести в СССР в корректное состояние) заключалась в стремлении советского руководства сделать Конституцию 1936 г. самой прогрессивной и демократичной в мире на тот момент, что и было достигнуто²⁴¹. Новая конституция, щедро «начиненная» всевозможными правами и демократическими принципами, произвела в тот момент сильное впечатление на советских граждан, многие из которых, будучи убежденными в действительности предоставленных им прав, почувствовали себя «гораздо свободнее, чем раньше»²⁴².

Сразу после опубликования проекта новой Конституции СССР 12 июня 1936 г. заложенные в ней изменения были с надеждой встречены в среде священнослужителей. Некоторые священнослужители считали, что в проекте Конституции «много библейского», а статья 124 Конституции «свидетельствует о примирении советских граждан с Богом»²⁴³. В селе Котельники Московской области священник и церковный староста разъясняли верующим, что «Бог вразумил большевиков»²⁴⁴. В августе 1936 г. в Звенигороде священник высказался, что «вера будет крепчать», так как раньше народ «боялся ходить в церковь, а теперь – свобода совести»²⁴⁵. В Лужайском сельсовете Шахунского района Горьковской области священник «устроил молебен и приветствовал Конституцию»²⁴⁶. Курский архиепископ Артемон и Дмитриевский епископ Иоасаф полагал, что с принятием Конституции будет отменена регистрация духовенства в советских административных органах, будут открыты свечные заводы, разрешены колокольные звоны²⁴⁷. Среди духовенства Грузии была повсеместно распространена уверенность, что «скоро откроют все церкви». Аналогичные настроения в отношении открытия мечетей бытовали в Нахичеванской АССР²⁴⁸. В Тамбовском районе Воронежской области священник говорил, что изменение Конституции «произошло в результате того, что на Советский Союз воздействовали иностранные государства» и что «скоро вообще власть переменится»²⁴⁹.

Священнослужители полагали, что теперь они «считаются трудящимися», поэтому они «будут впредь исполнять свои религиозные обязанности и одновременно служить в советских учреждениях», в результате чего их положение укрепитя. Они надеялись, что статья 124 Конституции «означает поворот партии и советской власти в сторону признания за религией и религиозными организациями... положительной роли». Священник одного из сел Ковернинского района Горьковского края сказал: «Братья! Наступили счастливые для всего мира дни. Кем я был раньше? Лишенцем. А теперь и мне дали свободу и меня зовут в Совет». Священнослужители рассчитывали, что будет разрешена религиозная пропаганда вне храмов, восстановлен Закон Божий в школах²⁵⁰.

Некоторые священнослужители открыто приветствовали нововведения, представленные в Конституции. Священник одного из сел Дедовичского района Ленинградской области прислал в сельсовет письмо, в котором благодарил советскую власть за предоставление ему голоса и предлагал свою помощь в разъяснении избирательного закона среди мирян²⁵¹. В Чернском районе Московской области священник на отчетном собрании «благодарил трудящихся и советскую власть за предоставленное ему право участия в общественной жизни». Священник Пospelов прислал в газету «Тамбовская правда» свои тезисы, в которых назвал советскую власть «богоданной и богоустановленной»²⁵². Обновленческое духовенство Вяземской епархии в феврале 1937 г. направило письмо И.В. Сталину, в котором выражало «глубочайшую благодарность за дарованные... права»²⁵³.

Однако наиболее реалистично настроенные священнослужители выражали недоверие к нововведениям. Бывший архимандрит Киево-Печерского монастыря П. Иванов говорил: «Эти права принадлежали гражданам СССР и по прежней Конституции... а на деле было... откры-

тое издевательство, глумление и преследование... Вот почему никто из верующих... абсолютно не доверяет не только 124-й [статье], но и всей в целом Конституции»²⁵⁴.

После опубликования проекта Конституции священнослужители начали предпринимать конкретные шаги по реализации вновь предоставленных им прав. В частности, они выдвигали предложения к проекту Конституции, в том числе об уменьшении налогов на духовенство и храмы, запрещении «издевательств над церковью, духовенством и верующими», разрешении «праздновать Воскресенье», недопущении «давления за религиозные убеждения» и закрытия храмов без согласия религиозной общины²⁵⁵ и даже о запрещении проведения собраний в колхозах и совхозах во время богослужений²⁵⁶.

Священнослужители выступали с разъяснениями Конституции и «Положения о выборах в Верховный Совет СССР»²⁵⁷ населению. Созданные священниками группы по «проработке» Конституции действовали в Карельской, Татарской АССР, Ленинградской и Омской областях. В Белоруссии церковная власть командировала в ряд районов республики до сорока священников с целью «разъяснения» Конституции²⁵⁸. В Тулуйском сельсовете Каясулинского района Дагестанской АССР мулла А. Салахов по поручению председателя сельсовета провел ряд бесед по разъяснению «Положения о выборах» населению. В Баку мусульманское духовенство само принимало участие в организованных лидерами мусульманской общины курсах по изучению Конституции²⁵⁹.

Священнослужители предпринимали попытки участия в советских мероприятиях, что иногда встречало понимание со стороны местных властей. В Дальнеконстантиновском районе Горьковской области сельсовет поручил священнику произвести подписку на заем обороны. В Минеральных Водах председатель избирательной комиссии назначил псаломщика Федоркина организатором предвыборного совещания, поручил ему оповещение граждан. В ряде районов священники по собственной инициативе производили подписку на сбор средств в пользу испанских детей. В Домошском сельсовете Чебарского района Вологодской области священник принял участие в двух отчетных собраниях сельсовета. В Ленинградской области (Старая Русса, Порховский и Новгородский районы) священнослужители предпринимали попытки участия в организованных местными властями кружках по изучению «Положения о выборах». В селе Гуньковское Московской области в президиум собрания сельского актива была выдвинута кандидатура местного священника (не прошла). В Орловском сельсовете Городищенского района Сталинградской области священнослужители, по некоторым сведениям, чуть ли не объявили церковь «государственным учреждением», на основании чего требовали «помощи от сельсоветов, отпуска и доставки лесоматериалов для ремонта церкви»²⁶⁰.

Комиссия по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР сообщала, что после опубликования проекта Конституции «увеличилось количество жалоб и изменился их характер». Почти в каждой жалобе имелись ссылки на статьи 124 и 125 Конституции. Тон заявлений стал «требовательнее, настойчивее». Повседневными стали ходатайства, на основании статьи 135 Конституции, об открытии церквей, разрешении проводить религиозные шествия, церемонии под открытым небом и молебны по домам. Если в 1935 г. Комиссия по вопросам культов получила 9221 жалобу и приняла 2090 ходочков, то в 1936 г. – 9646 жалоб и 2945 ходочков²⁶¹.

Имелись попытки самовольного открытия ранее закрытых церквей и молитвенных домов, за что, например, священник села Хуторово Воронежской области был привлечен к ответственности. Молоканская община города Рассказово вела сбор подписей за открытие молитвенных домов, так как «по новой Конституции все церкви и молитвенные дома должны быть открыты». Члены одного из церковных советов в Россошанском районе Воронежской области, ссылаясь на Конституцию, вели среди населения агитацию: «Церковь от государства

отделена, поэтому нужно требовать от сельсовета немедленного освобождения нашей церкви от находящегося в ней хлеба». За такие высказывания они были арестованы²⁶².

В Белгороде прошло совещание с участием более пятидесяти священнослужителей. После совещания, «по-своему истолковав статьи 124, 135 и 136 проекта Конституции», они начали вести сбор подписей за открытие церквей²⁶³. В июне 1936 г. ламы Баргузинского дацана (Бурятия) жаловались в Комиссию по вопросам культов на «незаконные притеснения», в том числе изъятие имущества, аресты, высылку²⁶⁴. В Орехово-Зуево возвратились пять священников, которые «ставили вопрос» об открытии церквей²⁶⁵. В мае 1937 г. церковные активисты Сталинградской области открыто требовали открытия храмов²⁶⁶.

Священнослужители пытались усилить религиозную агитацию, расширить церковный актив. В деревне Лисьи Ямы Ленинградской области прошло двухдневное совещание 13 священников и 40 активистов, которые обсуждали «вопрос о новых методах влияния на колхозников»²⁶⁷. В Алексеевском сельсовете Кингисеппского района Ленинградской области священник призывал мирян выбирать в церковную двадчатку «стахановцев, людей помоложе и поэнергичнее». В Бубаринском сельсовете Боровичского района Ленинградской области шла агитация за увеличение количества членов двадчатки, за частое посещение церковных служб. В городе Луга двадчатка была расширена до 48 человек²⁶⁸. В ряде мест священнослужители требовали прекратить антирелигиозную пропаганду в школах²⁶⁹.

В дополнение к требованиям разрешить крестные ходы духовенство решалось на их совершение без санкции государственных органов, обосновывая это тем, что «Конституция говорит о свободе уличных шествий». В мае 1937 г. открытые выступления религиозных активистов, в том числе крестные ходы, имели место в Сталинградской области²⁷⁰. На Украине, в Азово-Черноморском крае, Воронежской, Саратовской областях и ряде других регионов священнослужители пытались организовать демонстрации за открытие церквей и отправку церковных делегаций в Москву и Киев. При этом руководители религиозных организаций указывали, что «свобода уличных демонстраций обеспечивается Конституцией»²⁷¹.

В ряде мест священнослужители изъявляли желание войти в состав сельсоветов, вступить в колхоз, добивались активного участия в рабочих и колхозных собраниях, работы по совместительству в государственных и хозяйственных учреждениях. В Зилаирском районе Башкирской АССР священник Высоцкий открыто заявил местным сельсоветчикам: «Придет время выборов – сядем на ваше место»²⁷².

После принятия новой Конституции были назначены выборы в Верховный Совет СССР (на 12 декабря 1937 г.), Верховные Советы республик (на июнь 1938 г.), местные советы (на декабрь 1939 г.). В связи с тем, что избирательные права были предоставлены в том числе «классово чуждым» элементам, эти выборы следует рассматривать как «испытание на прочность» для советского режима²⁷³.

Сначала власть не опасалась того, что выборы могут перерасти в нечто неуправляемое. И.В. Сталин возражал тем, кто говорил, что «это опасно, так как могут проникнуть в верховные органы страны враждебные Советской власти элементы, кое-кто из бывших белогвардейцев, кулаков, попов и т. д.». Он считал так: «Чего тут, собственно, бояться? Волков бояться, в лес не ходить»²⁷⁴. Е.М. Ярославский вторил вождю: «Какая опасность от того, что служители культов всех вероисповеданий, а их наберется в СССР всего около сотни тысяч (с небольшим), – будут голосовать? Трудно представить себе, чтобы нашелся такой священник в Советском Союзе, за которого массы голосовали бы и выбрали бы его в Совет... Никакой опасности от предоставления им избирательных прав и права быть избираемыми нет»²⁷⁵.

«Благодушным» настроениям советского руководства в отношении наделения избирательными правами священнослужителей потворствовало убеждение, что религия в СССР якобы пришла к окончательному упадку. Антирелигиозная пропаганда распространяла сведения, что в стране «религия не играет уже никакой роли», «многие молятся Богу лишь ради страховки, на всякий случай»²⁷⁶, «социально-экономические корни религии... уничтожены»²⁷⁷. Среди советского и партийного актива бытовало мнение, что с «религией уже все покончено», за нее «держатся только старики и старухи»²⁷⁸.

Именно поэтому в период 1933–1937 гг. антирелигиозная пропаганда в СССР была ослаблена. Периодичность выхода журнала «Безбожник» была сокращена с 24 до 12 номеров в год, журнала «Антирелигиозник» – с 24 до 6 номеров в год, газета «Безбожник» в 1935–1937 гг. не издавалась вовсе. В этот период было прекращено издание местных антирелигиозных журналов и антирелигиозных газет, выходивших в Казани, Киеве, Самаре, Уфе, Харькове, Херсоне²⁷⁹.

В феврале 1936 г. Е.М. Ярославский на юбилейном вечере по случаю десятилетия СВБ доложил, что безбожники к тому времени составляли, как минимум, половину населения СССР. При этом он считал, «что мы уже переваливаем за вторую половину»²⁸⁰. В августе 1937 г. Е.М. Ярославский уверял, что безбожие «распространяется гигантскими шагами», верующих и священников «становится все меньше и меньше». Из некоторых высказываний Е.М. Ярославского, сделанных в 1937 г., можно сделать вывод, что, по его мнению, максимальное число верующих в СССР не должно было превышать трети населения²⁸¹.

Антирелигиозная пропаганда уверяла, что после опубликования Конституции священники будут массово слагать сан²⁸² и даже что «часть служителей культа уже сейчас просит дать какую-нибудь работу, лишь бы уйти из церкви»²⁸³. В подтверждение приводились отдельные факты сложения сана. В журнале «Безбожник» было опубликовано письмо бывшего архиепископа из Калуги А.В. Рябцовского о том, что он принял решение покинуть церковь после того, как «был обнародован документ беспримерной исторической важности – проект Сталинской Конституции», который, по мнению Рябцовского, являл собой «всё, что нужно для благоустройства человеческого общества»²⁸⁴.

Очевидно, по причине уверенности в том, что религия больше не представляет опасности, И.В. Сталин ратовал за менее воинственное ведение антирелигиозной пропаганды. Когда в апреле 1936 г. в программу X съезда ВЛКСМ хотели включить пункт «Комсомол решительно и беспощадно борется с религиозными предрассудками», он сказал: «Зачем писать “решительно”, “беспощадно”? Терпеливо надо разъяснять молодежи вред религиозных предрассудков»²⁸⁵.

Проведенная в январе 1937 г. Всесоюзная перепись населения была призвана оправдать ожидания советского правительства по поводу «изживания» религии. Прогнозировалось широкое распространение атеизма, а процент верующих предполагался небольшой²⁸⁶.

Однако результаты переписи стали неприятной неожиданностью для советского руководства: доля верующих среди советских граждан оставалась высокой – 57 процентов взрослого населения (в сельской местности – примерно две трети всего населения, в городах – не менее одной трети). Не позднее 14 марта 1937 г. начальник ЦУНХУ Госплана СССР И.А. Краваль писал И.В. Сталину и В.М. Молотову, что «число верующих оказалось больше... чем ожидали», а также указывал на то, что «день переписи был установлен неудачно... выходной день, да еще и рождественские праздники»²⁸⁷, что говорило о сохранявшейся социальной значимости праздника Рождества.

Сначала результаты переписи, говорившие о высокой религиозности населения, фактически отрицались – пропаганда утверждала, что «одним из замечательных результатов [пере-

писи]... являются показатели роста безбожия среди народов СССР»²⁸⁸. Затем этот вопрос пытались обойти: «Как велико число безбожников в нашей стране, мы сказать не можем. Это покажет перепись». «Верующих людей у нас еще много миллионов»²⁸⁹. Впоследствии неохотно признали, что «во многих районах нашей страны число верующих достигает внушительной цифры; иногда эта цифра превышает число неверующих», «религиозные обычаи очень часто еще выполняются немалой частью населения»²⁹⁰. В декабре 1937 г. Е.М. Ярославский отметил, что безбожникам «на ближайшее десятилетие хватит работы»²⁹¹.

Результаты переписи в отношении религиозности населения, как минимум, до июня 1937 г. скрывались даже от Комиссии по вопросам культов. 1 июня 1937 г. председатель Комиссии П.А. Красиков писал и. о. председателя ЦУНХУ И.Д. Верменичеву: «Прошу Вас сообщить мне хотя бы строго секретно те разработки и данные, которыми Вы уже располагаете»²⁹².

В дополнение к результатам переписи, которые разрушили ложное представление об искоренении религии в СССР, не оправдались надежды на массовое сложение сана священнослужителями. Комиссия по вопросам культов отмечала, что в их среде преобладали противоположные настроения: «Признавая духовенство, советская власть подтверждает, что не может обойтись без него», «религиозность населения, ранее искусственно подавленная, возрастет», «авторитет служителей] культа среди населения поднимется»²⁹³. Действительно, к середине 1930-х гг. в целом произошло изменение отношения простых людей к духовенству. Лишенное государственного покровительства и преследуемое властями духовенство вызывало всё большее сочувствие в низах общества. По мнению М.Ю. Крапивина, священник 1930-х гг. был уже не старорежимный «жирный поп», а свой брат-труженик, советчик и утешитель²⁹⁴.

Таким образом, в начале 1937 г. ситуация в религиозном вопросе кардинальным образом изменилась. Власть осознала свою ошибку в представлении о религиозности населения как решенной проблеме. Эта ошибка могла стоить дорого, принимая во внимание приближение выборов в Верховный Совет СССР. Можно согласиться с мнением, что в данном аспекте Конституция, «задуманная как особый пропагандистский трюк, как гениальный обман иностранного мира и своего народа, могла стать опасной для власти и для вождя»²⁹⁵.

Проведение выборов по новым нормам законодательства, которое предоставило духовенству пассивное и активное избирательное право, всколыхнуло религиозные круги. Священнослужители развили бурную деятельность по мобилизации религиозного актива, подбору и выдвижению своих кандидатов в депутаты – такая деятельность была отмечена в Татарской, Удмуртской, Чувашской АССР, Горьковской, Западной, Куйбышевской, Ленинградской, Омской, Сталинградской, Ярославской областях РСФСР и Харьковской области УССР²⁹⁶.

В селе Николаевка Воронежской области группа во главе с местным священником призвала население «воспользоваться новой Конституцией, быть организованными, чтобы легче продвигать к руководству своих людей»²⁹⁷. В селе Богородском Ивановской области начетчик Спирлов уверял верующих, что «Христос – коммунист, и все, кто соблюдает его учение, – настоящие коммунисты, а потому выбирать в советы надо только верующих»²⁹⁸. В Сайрамском районе Южно-Казахстанской области националистические деятели совместно с мусульманским духовенством составили список своих кандидатов в председатели райисполкома, сельсоветов и других государственных органов²⁹⁹.

Священнослужители устраивали «пробные выборы», в частности, в Узбекской ССР, Карельской АССР, Калининской и Горьковской областях³⁰⁰. В ГЦекинском сельсовете Северной области религиозные активисты убедили колхозников переизбрать председателя колхоза имени Литвинова и выбрать на его место местного псаломщика³⁰¹.

В предвыборной деятельности священнослужители использовали предвыборные поездки – в частности, по колхозам Харьковской области³⁰², а также вели агитацию с помощью «странствующих» религиозных активистов³⁰³. Агитация велась не только в среде религиозной общины, но и в миру – например, в Ивановской области священник вел агитацию в промышленной артели за выдвижение его кандидатуры в Верховный Совет СССР³⁰⁴.

Священнослужители пытались реализовать свое право на участие в избирательных комиссиях, в частности в Ленинградской области. Антираелигиозная пропаганда с возмущением сообщала, что в Мирзояновском районе Южно-Казахстанской области из 125 человек, выдвинутых в участковые избирательные комиссии, 55 оказались «классово чуждыми» – особенно были представлены «сектанты, муллы, попы»³⁰⁵.

Священнослужители, выдвигая своих кандидатов в депутаты, в основном преследовали цель не развить мифическую «контрреволюционную» деятельность, которую им предписывала советская пропаганда, а упрочить положение религиозных институтов: например, в Малмыжском районе Кировского края собрание церковных активистов постановило: «Чтобы церковь хорошо работала... нужно выдвинуть в Верховный Совет кандидатуру протоиерея»³⁰⁶.

В то же время советские органы выявили попытки ряда священнослужителей и религиозных активистов тем или иным образом противодействовать проведению выборов – они «призывали верующих проваливать кандидатуры коммунистов»³⁰⁷, агитировали против «блока коммунистов и беспартийных»³⁰⁸. В Мытищинском районе Московской области церковная группа «старалась дискредитировать кандидатуры, выставляемые в Верховный Совет»³⁰⁹. В Карелии ко дню выборов религиозные активисты приурочивали ремонт молитвенных зданий, в Грузии – организовывали религиозные процессии и массовые богослужения на кладбищах. Распространялись «письма с неба», которые пророчили близкий конец света, а с ним – и конец безбожной власти³¹⁰. Муллы и ишан Ашхабадского района Туркменской ССР «запугивали» женщин, отвлекали их от посещения кружков по изучению избирательного закона. В Уфе были распушены слухи, что «большевики к выборам не подготовились, и выборы не состоятся»³¹¹.

Резкая активизация религиозного актива вызвала серьезную озабоченность у советских властей. На февральско-мартовском 1937 г. пленуме ЦК ВКП(б) А.А. Жданов объявил, что церковь – это единственная сила, «не подконтрольная правящей партии»³¹². В марте 1937 г. Е.М. Ярославский констатировал: «Поповщина переходит в наступление»³¹³. В ответ была развернута широкая программа противодействия под следующими лозунгами: «Дать отпор поповщине во время предстоящих выборов», «Не место служителям культов в Советах депутатов трудящихся!», «Не пропустим враждебных людей в органы советской власти! Разоблачим врагов под маской служителей культа»³¹⁴.

Во-первых, пресекалась деятельность по выдвижению религиозными активистами кандидатов в депутаты. Государственные органы отслеживали, чтобы на предвыборных собраниях выдвигали только «нужных» кандидатов. Появление «незапланированных» кандидатов пресекалось³¹⁵. Пропаганда призывала «быть бдительными», чтобы не дать духовенству «помешать успешному проведению избирательной кампании». Особенно это касалось выборов в местные советы, когда ожидалось, что «придется встретиться с более активной работой церковников», которые «питают надежды попасть в Советы... в селах (меньше... в городах)» и будут «действовать более тонкими, более замаскированными приемами»³¹⁶.

Юридическим основанием для пресечения выдвижения кандидатов религиозными активистами служили дискриминационные положения статьи 141 Конституции: «Право выставления кандидатов обеспечивается за общественными организациями и обществами трудящихся: коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперати-

вами, организациями молодежи, культурными обществами»³¹⁷. Этот перечень был исчерпывающим. Религиозные организации, на основании того, что они были «отделены от государства» и «лишены права вмешиваться в государственные дела», выставлять кандидатов в депутаты права не имели³¹⁸.

Во-вторых, была развернута бурная пропагандистская кампания, направленная на убеждение населения, что все священнослужители – «враги народа», «шпионы», «агенты фашизма». Советская печать утверждала, что служители религии «зачастую являются прямыми агентами и участниками всякого рода контрреволюционных шаек, иностранных разведок, диверсантских бандитских организаций и т. п.», «шпионы и диверсанты бродят по нашим селам под видом попов, монахинь, святых и юродивых, собирают сведения шпионского характера, готовят диверсии и террористические акты». Утверждалось, что «значительное количество попов разоблачено, как враги народа» и что «всякий, даже самый “советский” поп – мракобес, реакционер, враг социализма»³¹⁹.

Для иллюстрации крайней агрессивности этой кампании следует привести заголовки статей в центральной и региональной прессе: «Церковники и сектанты на службе фашизма», «Разоблачать фашистскую агентуру в рясах», «О некоторых фактах контрреволюционной и шпионской деятельности духовенства», «С крестом и маузером», «Враги в рясах», «Попышпионы», «Шпионы и диверсанты в рясах», «Церковники и сектанты на службе фашистских разведок»³²⁰. Пропаганда не скупилась на самые отвратительные эпитеты в адрес священнослужителей (например, «шпионско-диверсантская церковно-сектантская мразь»)³²¹.

В-третьих, с 1937 г. разворачиваются массовые репрессии в отношении священнослужителей. Аресту подверглась большая часть православного духовенства (включая обновленцев), закрытие церквей приобрело обвальный характер – только в 1937 г. было закрыто 8 тыс. церквей³²². По данным А.Н. Яковлева, в 1937 г. по «церковным делам» было арестовано 136 900 человек, из них расстреляно – 85 300; в 1938 г. – соответственно 28 300 и 21 500³²³. В 1937 г. было арестовано 50 православных епископов (для сравнения – в 1935 г. – 14, в 1936 г. – 20 епископов)³²⁴. В дополнение в апреле 1938 г. была ликвидирована Комиссия по вопросам культов, которая пусть предвзято, но занималась разбором жалоб верующих на незаконные притеснения, принимая в том числе решения о пресечении незаконного закрытия церквей и мечетей³²⁵. С апреля 1938 г. вопросами религии занимались только специальные структуры НКВД.

Репрессии, с особой силой развернутые в отношении священнослужителей и религиозных активистов в 1937–1938 гг., в целом следовали в общем русле «ежовщины». Однако, на наш взгляд, они были усугублены ярко проявившимся в 1936–1937 гг. стремлением религиозного актива реализовать свои конституционные права. Советская пропаганда с удовлетворением сообщала, что на выборах в советы «церковники были биты», «все происки церковников и сектантских вожяков потерпели... полный крах»³²⁶. При этом, конечно, не уточнялось, какими средствами эта цель была достигнута.

После окончания «Большого террора» с 1939 г. накал репрессий в отношении священнослужителей и верующих снизился³²⁷. Антирелигиозную деятельность было предписано проводить более мягкими способами. Планировавшаяся третья «безбожная пятилетка» не была санкционирована руководством страны, и потому ее провозглашение не состоялось³²⁸. Вместо агрессивных акций предписывалось «терпеливо разъяснять вред религиозных предрассудков», применять «индивидуальный подход к верующим», не противопоставлять безбожников верующим, а оказывать им помощь «в деле их полного освобождения от реакционного влияния религии». Лозунг «Закрыть все церкви» был признан вредным³²⁹. Вновь усилилась антирелигиозная пропаганда. Периодичность журнала «Антирелигиозник» возросла до 12 номеров в

год³³⁰. В 1938 г. было возобновлено издание газеты «Безбожник», количество номеров которой выросло с 30 номеров в 1938 г. до 44 номеров в 1940 г. В 1941 г. эта газета стала еженедельной³³¹. Стали выходить газета «Безвірник» на украинском языке³³², журнал «Мебрдзоли атеисти»³³³ и одноименная газета на грузинском языке³³⁴. В 1937 г. был выпущен номер журнала «Безбожник» на бурятском языке, в 1938 г. – три номера узбекской газеты «Узбекистан худосизлари». В 1938–1941 гг. Центральные курсы политпросветработников издали 8 выпусков брошюры «Методическое письмо заочнику-антирелигиознику»³³⁵. В то же время с 1935 г. не издавался единственный печатный орган Русской православной церкви – «Журнал Московской патриархии»³³⁶.

Другой причиной, заставившей советское руководство проводить более осмотрительную политику в отношении религии, стало присоединение к СССР в 1939–1940 гг. Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины, 23 млн человек населения которых не испытало воздействия атеистической пропаганды. Утверждения советской пропаганды, что на Западной Украине и в Западной Белоруссии «вражда к попам и ксендзам была в народе очень сильна», а после вхождения этих территорий в состав СССР «многие трудящиеся открыто порывают с церковью и религией»³³⁷, не соответствовали действительности. Руководство Советского Союза, располагая действительными данными о религиозности населения новых территорий, обратило внимание на Русскую православную церковь как на потенциального союзника в советизации этих земель³³⁸. Важность использования потенциала РПЦ была высокой, ввиду распространенных на вновь вошедших в состав СССР территориях слухах о грядущих гонениях на религию³³⁹. Власти рассчитывали, что РПЦ сможет передать священнослужителям присоединенных регионов опыт религиозной деятельности в условиях советского общественного строя. Хотя иерархи церкви, окормлявшие паству на новых территориях, – митрополит Николай (Ярушевич) и архиепископ Сергей (Воскресенский) – иногда рассматривались местным населением как «агенты ЧК»³⁴⁰, что мешало укреплению их авторитета, власть пыталась опираться на РПЦ, в связи с чем не осуществляла на вновь присоединенных территориях антирелигиозные гонения³⁴¹.

Цель опоры на РПЦ на вновь присоединенных к СССР территориях заключалась также в «нейтрализации» потенциальной антисоветской активности других конфессий. Особую проблему для властей представляла связанная с Ватиканом Украинская греко-католическая церковь (УГКЦ), приверженцами которой были около 50 процентов населения Западной Украины³⁴². Поэтому советская пропаганда содержала антиуниатские посылы³⁴³, в том числе стремясь подорвать авторитет главы УГКЦ митрополита А. Шептицкого, который в советской пропаганде был назван «представителем польской аристократии», «уполномоченным по окатоличиванию украинских народных масс». Было объявлено, что украинцам «совершенно чужда» и Римско-католическая церковь³⁴⁴. Руководство СССР выражало недовольство тем, что в Литве католическое духовенство «ведет явно антисоветскую работу среди населения»³⁴⁵. В этой республике издавался антирелигиозный журнал «Свободная мысль» на литовском языке, а в Эстонии – журнал «Атеист» на эстонском языке. Однако в предвоенный период пошатнуть положение униатства и католицизма, равно как и протестантизма, на новых территориях СССР не удалось – прежде всего из-за высокой религиозности населения.

К началу Великой Отечественной войны отношение советской власти к религии оставалось резко отрицательным. С одной стороны, в государственной идеологии сохранялась ранее введенная положительная трактовка «прогрессивности» Крещения Руси (по той причине, что оно «поставило русскую киевскую державу на одну доску с самыми передовыми странами Запада»³⁴⁶), в июне 1940 г. в СССР была отменена шестидневка и восстановлен традиционный

для христианского календаря воскресный отдых. Тем не менее советская пропаганда продолжала утверждать об «антипатриотичности» религиозных институтов, муссировала «примеры измены и предательства со стороны служителей церкви», предупреждала, что религия «разжигает национальную рознь, пытается натравить трудящихся разных национальностей друг на друга»³⁴⁷ (например, в Кабардино-Балкарии священнослужители были прямо обвинены в провоцировании преступлений по националистическим мотивам³⁴⁸).

В 1940 г. Президиум Академии наук СССР заслушал доклад Е.М. Ярославского о мерах по усилению научно-исследовательской работы по истории религии и атеизма, в рамках чего Институту истории АН СССР было поручено подготовить к публикации работы, раскрывающие «реакционную роль церкви в истории народов СССР»³⁴⁹. В июне 1941 г. в журнале «Безбожник» была опубликована статья, в которой утверждалось, что Русская православная церковь была «антипатриотичной» и «антинациональной» во все периоды истории России. Был сделан вывод, что «религия является злейшим врагом советского патриотизма»³⁵⁰. Роль религии в мире оценивалась в советской пропаганде предвоенного периода так же отрицательно. Пропаганда распространяла сведения, что «церковь не только организационно и политически связана с фашизмом», «находится... на службе фашизма», но и «пытается внушить верующим мысль о примирении с фашистами»³⁵¹. Резко негативная оценка давалась католической церкви – в частности, в связи с принудительной «христианизацией прибалтийских народов»³⁵². Подчеркивалось, что католические священнослужители на Западной Украине и в Западной Белоруссии «мечтают о возвращении ненавистного народу панского строя»³⁵³, говорилось о связи великого муфтия Иерусалима Х.М.А. эль-Хусейни и мусульман Эфиопии с итальянскими фашистами³⁵⁴.

Перед Великой Отечественной войной произошел новый подъем репрессий по «церковным делам». Если в 1939 г. по делам такого рода было арестовано 1500 человек и расстреляно 900 человек (в 95 раз меньше, чем в 1937 г.), то в 1940 г. – уже 5100 человек и 1100 человек, в 1941 г. – 4000 человек и 1900 человек соответственно³⁵⁵.

«Польские фашисты угнетают украинцев, белорусов»: присоединение Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики и Бессарабии

23 августа 1939 г. СССР и Германия подписали Договор о ненападении, к которому прилагался Секретный дополнительный протокол, касавшийся разграничения сфер влияния в Восточной Европе. В результате достигнутых соглашений Советский Союз получил возможность реализовать свои устремления по присоединению (или возврату в состав страны) ряда территорий «лимитрофной зоны», на которые, по мнению руководства страны, СССР имел юридические или моральные права. В их числе были Западная Украина и Западная Белоруссия, населенные единокровными народами (большая часть этих территорий ранее входила в состав Российской империи), Финляндия, провозгласившая независимость от России в декабре 1917 г., Прибалтийские государства (Эстония, Латвия, Литва), получившие независимость в 1918 г., а также Бессарабия, входившая в состав России до декабря 1917 г. и впоследствии оккупированная Румынией³⁵⁶.

СССР еще с начала 1920-х гг. заявлял свои права на Западную Украину и Западную Белоруссию, которые были захвачены Второй Речью Посполитой в 1920 г.³⁵⁷ После того как 1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу, советское руководство начало, наряду с военной, политическую подготовку к занятию территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Претензии к Польше были подытожены И.В. Сталиным 7 сентября 1939 г. в беседе с генеральным секретарем ИККИ Г. Димитровым в присутствии В.М. Молотова и А.А. Жданова: «Польское государство раньше (в истории) было национальное государство, поэтому революционеры защищали его против раздела и порабощения. Теперь – фашистское государство угнетает украинцев, белорусов и т. д.». Тогда же И.В. Сталин сформулировал цель советской военно-политической акции в Польше: «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и населения»³⁵⁸.

Легитимируя свои действия по присоединению Западной Украины и Западной Белоруссии, советское руководство основывалось на национальном факторе. 1 сентября 1939 г. Германия вторглась в Польшу. 10 сентября 1939 г. В.М. Молотов на встрече с германским послом В. фон Шуленбургом объявил ему о планах СССР вмешаться в ситуацию: «Советское правительство намеревается воспользоваться дальнейшим продвижением германских войск и заявить, что Польша разваливается на куски и что вследствие этого Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым “угрожает” Германия. Этот предлог представит интервенцию Советского Союза благовидной в глазах масс и даст Советскому Союзу возможность не выглядеть агрессором»³⁵⁹

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.